

ИВАН
ЛОБОДА

**ИВЫ
над
Тэдонганом**

Л 68

ИВАН
ЛОБОДА

ИВЫ над Тэдонганом

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1975

Иван Гаврилович Лобода родился в 1916 году во Владивостоке. Там изучал восточные языки в Дальневосточном государственном университете. Он участник Великой Отечественной войны, награжден тринадцатью орденами и медалями. И. Г. Лобода много лет работал международным обозревателем «Известий» и собственным корреспондентом этой газеты в странах Дальнего Востока, в столицах которых прожил свыше десяти лет. Он — автор нескольких книг и брошюр, многих статей, очерков, репортажей о Китае, Корее, Камбодже, Лаосе, Вьетнаме и Монголии.

Лобода И. Г.

Л68 Ивы над Тэдонганом. М., «Молодая гвардия», 1975.

112 с. (Ровесник.)

В эту книгу вошли очерки и репортажи о новой Корее, ее молодежи и о тех проблемах, больших и малых, которые решает республика в ходе социалистического строительства. Хорошее знание автором страны позволило написать также ряд ярких эссе о природе Корейского полуострова и искусстве корейцев. В книге содержится много нового в дополнение к тому, что уже известно советским читателям о КНДР.

32И

В городах и селах Корейской Народно-Демократической Республики нет обычного сочетания старого и нового. Тут фактически все новое. Новые заводы и электростанции, жилые дома и общественные здания, мосты через реки, плотины и шлюзы на каналах, набережные и парки. Но не потому, что здесь ничего этого не было раньше. Кореи — древняя страна. Многие сооружения в ее городах воплощали характерную национальную архитектуру и столетия стояли, поражая хорошим вкусом и чувством гармонии, присущими их древним строителям. Однако корейская война, развязанная Соединенными Штатами, прошла по республике гигантским катком, превратив ее в пустыню.

Как это происходило, видно на примере Пхеньяна. Город был разрушен дотла, а затем обломки строений, как гранит в камнедробилке, превращались разрывами бомб в щебеньку и пыль, которую разносил ветер. За три года, с июня 1950-го по июль 1953-го, американские интервенты и их южнокорейские сателлиты совершили около двух тысяч крупных — целыми авиационными соединениями — и более десяти тысяч мелких, разрозненных налетов бомбардировщиков на Пхеньян. Они сбросили почти по две бомбы на каждый квадратный метр его площади. Перестали существовать шестьдесят три тысячи домов, тысяча триста учреждений просвещения, культуры, здравоохранения, коммунальных предприятий, заводов и фабрик.

В древние времена после подобных разрушений люди обычно покидали городские руины и строились на новых местах. Но корейцы решили воссоздать Пхеньян.

Прошлое этой небольшой страны не знает свершений, которые могли бы сравниться с периодом восстановления и последующего развития экономики широтой и величием замысла. Это была эпоха самоотверженного труда, коллективизма и солидарности людей, порожденная безграничной силой социалистического строя. При жизни одного поколения в промышленности произошел переход от кузнечной кувалды к шлифовальному станку, а в деревне исчезли серпы, сохи, каменные катки для молотбы, которыми пользовались бесчисленные поколения предшественников нынешних крестьян.

Трудовая партия Кореи организовала и вдохновила великое движение трудящихся, подготовившее стремительный раз-

бег республики. И все это время коммунисты, члены Союза социалистической трудовой молодежи Кореи были впереди, там, где возникала необходимость предпринять энергичные усилия, где приходилось встать среди ночи потому, что ливневые воды грозили сокрушить дамбу канала, потому что на том или ином участке образовался прорыв, грозящий задержать дело.

У жителей КНДР хорошая память. Они помнят подвиг советских людей, избавивших корейскую землю от японских колонизаторов в 1945 году. В праздники освобождения страны нескончаемый поток корейцев идет к монументам, воздвигнутым в честь советских воинов, павших в борьбе за освобождение Кореи. Люди вспоминают тех, кто не жалел жизни своей во имя их свободы, независимости и счастья.

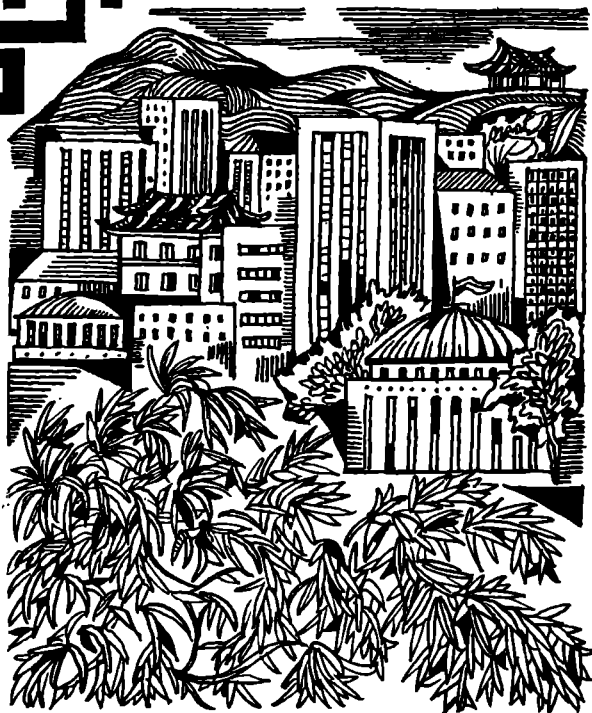
Ведь тем, что республика стала суверенным государством, вышла на широкую дорогу мировой истории, она обязана пролетарскому интернационализму, дружеским, братским связям с народами социалистических стран, и прежде всего с советским народом.

Быстры и даже стремительны перемены на корейской земле. Меняются ее люди, о которых не скажешь двумя словами. Но как бы ни пришлось говорить, во всех случаях придется начинать с самого главного — с воли к победе, проявленной корейцами в социалистическом строительстве. В их усилиях и жертвах видны черты замечательного народа.

Годы борьбы и труда сделали непреклонными людей старшего поколения. Пережитые опасности придали им силу воли, воспитали выдержку и терпение. Они закалили их характер. Корейская молодежь, глядя на ратные дела и труд своих отцов, стремится быть достойной их. Она размышляет над историей Кореи, страны, которую ей предстоит объединить и преобразовать, построив счастливое, процветающее общество.

Жизнь в условиях войны и длящегося два десятилетия неустойчивого перемирия наложила на жителей КНДР глубокую печать. Они собраны, целеустремленны и по-военному подтянуты.

В течение почти трех десятилетий я часто бывал в Корее, а в последние годы жил в ней безвыездно. На моих глазах преобразовывалась страна и ее люди. Городские школьники становились квалифицированными рабочими, а деревенские парни — агрономами и механизаторами. На пустырях возникали заводы, через поля прокладывались каналы. Рассказ об этих исторических в жизни корейского народа событиях — главная тема настоящей книги.

РИТМЫ ПХЕНЬЯНА

В Пхеньян попадешь не сразу. От аэродрома к городу ведет дорога, по обочинам которой растут платаны и акации. На ней прочные мосты, под которыми бешено несутся прихотливые корейские реки и речушки. А кругом — сады, полукружья рисовых полей, деревенские выбеленные известью дома.

Сады и огороды подходят вплотную к столице. Они начинаются прямо у городских кварталов. Поля опоясали склоны гор, прилепились везде, где человеку удалось найти хоть клочок пригодной для об-

работки земли. Даже болота, отгороженные от полей дамбами, не пропадают без пользы. На них густою стеною растет камыш, из которого крестьяне делают стены хозяйственных построек, крыши, самые разнообразные циновки и много других предметов, нужных в хозяйстве. Нелегко отличить корейские огороды от полей, так как и те, и другие покрыты грядами, с равной тщательностью и усердием обработанными руками селян. Благодатная корейская земля! Тысячи лет она кормит людей. Бесчисленные поколения крестьян прожили на ней, своим трудом изменяя ее облик.

В окрестностях Пхеньяна в миниатюре проходит вся Корея, ее наиболее характерные кадры. Встреча же с самой столицей происходит внезапно, потому что здесь нет одноэтажных предместий. И на окраинах, и в центре одинаковые четырех- и пятиэтажные здания, облицованные разноцветной глазурованной плиткой.

Трудно писать о городе, который хорошо знаешь, — многое в нем стало обычным, примелькавшимся, и легко упустить из вида то особенное, чем он отличается от других городов. В то же время тут все кажется интересным и значительным, слишком о многом хочется рассказать.

День города

Жизнь пхеньянцев подчинена точному, размеренному ритму: работа, отдых, сон и... физкультура. Один час ежедневно ею занимается каждый житель, будь то школьник, студент, рабочий или служащий. Это — утренние упражнения дома, упражнения днем на работе, бег в конце дня. Бегают колоннами — впереди мужчины, а за ними женщины. Ничто не может изменить этот строгий режим.

Пешком, на автобусах или небольших, уютных троллейбусах люди спешат на заводы, в учреждения, на стройки. У остановок городского транспорта никакой сутолоки, никакого беспорядка, никаких споров. Пхеньянцы ждут спокойно и даже благодушно. В эти часы по мостам через реку Тэдонган, связывающим восточную и западную части города, течет поток людей

и автомашин. В форменных одеждах идут группами школьники. Девочки не смешиваются с мальчиками, ходят отдельными группами или колоннами.

Город гудит, как пчелиный улей. Я говорю своему спутнику Сон Дон Уку:

— Какой-то удивительно неподвижный воздух. Должно быть, тайфун идет?

— Нет, не тайфун. Это к жаре.

— К жаре? В сентябре месяце?

И действительно, дней десять солнце пекло нещадно. Многим иностранцам здешняя погода кажется странной. Самое тяжелое время года — душное, дождливое лето. Самое хорошее — конец сентября, октябрь и начало ноября. Яркие солнечные дни, сухой, здоровый воздух, ни духоты, ни зноя. Потом внезапно происходит перемена. Откуда-то из Забайкалья, а может быть, из Якутии врываются холодные ветры. Они остужают не только Корейский полуостров, но и всю восточную часть Азиатского континента. В Пхеньяне выпадает снег, на льду Тэдонгана устраиваются катки. Это холодные, леденящие вздохи Сибири над сопками и долинами Кореи. Теплые течения Великого океана бессильны противостоять им. Но уже в марте холода отступают. Пхеньянцы снимают пальто. Город охватывает шум весенней жизни.

На улицах повсюду дети — это главное богатство республики. Они ходят строем, играют в войну на тротуарах и во дворах, что-то жуют или уже бегают с поручениями.

Бросается в глаза, что в городе мало автомобилей. Как привольно здесь было бы автомобилистам-любителям. Широкие, часто без единой машины проспекты, четкие светофоры, расположенные на самых видных местах, и либеральные регулировщики, не скрывающие своего уважения к человеку за рулем. В городе нет такси. Правда, иностранцы могут нанять машину по часовой оплате. Но стоит это дорого. Однажды я обратил внимание известного пхеньянского журналиста на то, что в столице мало автомобилей. «Пока мы считаем, — любезно ответил он, — что на полях должно быть больше тракторов, чем легковых автомобилей на улицах городов».

Вечером город быстро пустеет. Часам к десяти он уже замирает. Ресторанов и кафе в Пхеньяне немного.

Обслуживающий персонал в них хорошо знает свое ремесло и держится с достоинством.

Кинотеатры узнаешь по группам людей, которые постоянно толпятся возле них, по огромным рекламным щитам, оповещающим о новых корейских фильмах. Иностранных картин здесь демонстрируется мало. В городе есть телецентр. Это замечаешь еще до въезда в Пхеньян по светло-серой башне, поднявшейся среди сосен на северо-западных отрогах Моранбонских гор. Однако телевизоров пока еще не хватает. Да они и дороги для частных владельцев. Но всякий может смотреть телепередачи в том доме, где он живет, в специальных комнатах, отведенных для этого квартальными комитетами — инминбанами*.

Главная пружина

Товарищ Ли Хэн — ведущий инженер Института по планированию и проектированию города. Мы не спеша идем с ним по бульвару. Легкий ветерок шелестит в листве деревьев. Мы говорим преимущественно о Пхеньяне, о том, как изменится столица за шестилетку (1971—1976 годы). Ли Хэн подчеркивает, что первый фронт — строительство промышленных предприятий. Второй — создание жилых массивов и общественных зданий, центров по обслуживанию населения. Естественно, что здесь еще много нерешенных проблем. Некоторые из них схожи с теми, которые существовали в советских городах в течение двух десятилетий после Отечественной войны. Это прежде всего жилищное строительство. Нехватку квартир восполняют созданием больших домов, которые уже заполнили центр и поднимаются на окраинах.

Нынешний Пхеньян совершенно не походит на прежний, в котором почти не было крупных зданий, площадей, проспектов, широких улиц. Город переплетали узкие улочки, связанные переулками и лабиринтом проходов. У домов были высокие маленькие окна, а чаще всего окон вообще не было. Свет проникал через оклеенные бумагой или застекленные решетчатые

* И н м и н б а н — квартальный комитет. Практически самое низшее звено в системе органов народной власти в КНДР.

двери, запиравшиеся изнутри деревянными задвижками. А сколько было лачуг с крышами из жердей, без полов — их заменяла утрамбованная земля, — с низкими дверьми, через которые можно было пройти, только согнувшись! Город украшало несколько памятников-арок, воздвигнутых в честь добродетельных и храбрых. Все они, как близнецы, походили друг на друга: большие центральные и малые боковые ворота из гранита, который иногда декорировали тонко пригнанными отполированными плитами из мрамора. Такие арки резко, но приятно контрастировали с окружающими домами, лишенными архитектурных украшений.

— После войны мы были очень бедны, — говорил мой собеседник, — но не дышали воздухом безысходности, сохраняли надежды. Еще до перемирия начали проектирование и строительство города. То, что вы видите вокруг, само говорит за себя. Сделали много. А начинали-то на пустом месте, и ресурсы наши не безграничны...

Мы вышли на площадь, прилегающую к набережной Тэдонгана. В центре площади — Большой театр, уникальное сооружение, выполненное с большим вкусом и любовью. На его наружных стенах мозаичные картины из разноцветного мрамора запечатлели сцены из корейского эпоса и революционной борьбы.

Площадь окружают высокие дома. На нее выходит крупнейшая гостиница столицы — «Пхеньян». С плоской крыши гостиницы видны жилые дома (один дом занимает целый квартал), Дворец спорта, Музей корейской революции, обелиск Хэбантхаб, воздвигнутый в честь освобождения Кореи Советской Армией, мосты через Тэдонган, здание Пхеньянского Дворца пионеров и школьников с серебристым куполом астрономической обсерватории. Внизу по реке маячат трубы городской ТЭЦ, мощностью в полмиллиона киловатт. А еще дальше — электровозный завод, текстильный комбинат.

От гостиницы «Пхеньян» широкий проспект ведет одним своим крылом к городскому вокзалу, а другим — к центральной площади, где стоит высокая правительственная трибуна. То, что происходит на этой площади, становится известным всему Пхеньяну, всей республике, а нередко и за границей. По бетонным плитам площади проходят войска, народные ополченцы, шумные и радостные, торжественные и строгие,

шествуют колонны трудящихся. Это исполненные уверенности демонстрации силы, вместе с тем и воплощение бодрости народа.

Ли Хэн повторил мой вопрос:

— Какие главные новостройки столицы? Их много. Ежегодно закладываем и строим дома не менее чем на пятнадцать тысяч семей, скоро завершим строительство Дворца труда, — снова Ли Хэн думал и снова продолжал: — Очень важными объектами мы считаем создание овощной и фруктово-плодовой базы вокруг города.

Говорить о каждой из этих новостроек? Займет много времени. Скажу только о работах на проспекте Пипха, одном из важнейших районов строительства города. Это будет лучший проспект с каналом, по которому потекут воды Тэдонгана. Ни один дом проспекта не будет походить на другие. Скорость строительства растет потому, что все больше опираемся на машины. На Пипха шестьдесят башенных кранов и более полутысячи грузовиков. Повсюду люди трудятся с подъемом и воодушевлением. Тут кроется главная пружина наших побед, — последнюю фразу товарищ Ли Хэн произнес решительно, как присягу.

Семь километров фронта

Пхеньянцы добиваются успехов повсюду. Но сильнее всего бьется пульс города на всенародной стройке семикилометрового проспекта Сосон—Чхонлима (позже он соединится с Пипха и составит одну магистраль Север — Юг). Вдоль небольшой речки Потонган, петляющей в лесопарке, создается широкий проспект. На нем вытянулись двумя рядами современные уличные фонари, поднялись оригинальные здания от пяти до двенадцати этажей.

Сердце столицы перемещается на юго-запад, к Потонгану. Там размещаются центральные учреждения, самые крупные в республике спортивный зал и гостиница, а также наиболее благоустроенные дома.

В Пхеньяне, строя жилые здания, учитывают достижения мирового домостроения. Но при быстрых темпах трудно избежать однообразия. Впрочем, на выставке достижений народного хозяйства КНДР показы-

ваются макеты зданий очень оригинальных, с большими, хорошо спланированными квартирами. Что это? Эскиз недалекого будущего? Пока что да, эскиз. Реальностью остается строительство домов менее совершенных. Но проспекты Пипха и Сосон — Чхонлима исключение, которое становится правилом.

Работы на Сосон велись круглосуточно. Там родились высокие темпы создания жилых домов. За три недели, например, завершалось строительство пятиэтажного блочного дома, а за два-три дня поднималось на целый этаж двенадцатиэтажное строение.

Не один раз я бывал на проспекте. Люди с охотой рассказывали об успехах, о том, как им удастся выигрывать драгоценное время. Мое появление ни на минуту не задерживало работу. Все занимались своим делом, не обращая внимания на нового человека.

В одном котловане бурильщики бригады Юн Сон Ира показывали усовершенствованное ими долото, которое позволило ускорить пробивку скважин в скальном грунте, внезапно появившемся на трассе траншеи.

— Как идут дела? — спрашивал я.

— А как они могут идти? Хорошо.

— Мне хочется посмотреть. Можно?

— Милости просим.

Я осмотрел и похвалил перфораторы.

— Да, мы узнали им цену. До того, как привезли эти штуки, все приходилось делать вручную. Сколько облегчения пришло с ними!

Молодые парни, готовившие основание для бетонирования тротуара, тоже говорили о машинах. Пожилые рабочие вставляли свое слово о высоком качестве строительства. Здесь никто не работал вслепую, зная лишь тот кирпич, который он кладет в стену. Все были в курсе того, что делается на соседних участках. Это порождало взаимную выручку, добрые товарищеские отношения. Любой из работников мог детально рассказать, где пройдет проспект, какие поднимутся дома и что будет на том участке, где они сами работают.

В готовый дом, куда только что подключили холодную и горячую воду, въезжали счастливые новоселы. Мы зашли наугад в одну из квартир. Увидев меня, притихшие и неслыханно любопытные дети остолбенели от изумления. Хозяином квартиры оказался служащий

городского управления торговли. Две комнаты выглядели очень разными. Одна была обычной, то есть такой, какие строят в нашей стране и во многих других странах мира. Другая — с учетом национальных особенностей корейцев, их привычек и вкусов. Перемена укоренившихся в народе обычаев тут не навязывается силой. Традиционная часть корейского жилища — лежанка-ондоль, покрытая циновкой из камыша или рисовой соломы. Она прогревается не дымоходами, как в одноэтажных крестьянских домах, а трубами парового отопления. На таком ондоль, занимающем три пятых комнаты, спит вся семья. Постели на день свертываются в рулоны и прячутся в шкафы или складываются аккуратными стопками. На циновку ставится низенький столик, на котором дети готовят уроки, сидя на корточках или сложив ноги по-турецки. Столики, уже накрытые посудой с едой, ставятся на циновку, и за ними обедает вся семья.

Я бродил по строительным площадкам, где еще два года назад были огороды. То там, то тут поднялись новые, пахнущие штукатуркой жилые дома. Это всего лишь семь километров трудового фронта. Они оказались в фокусе усилий пхеньянцев, людей энергичных и с очень реальными планами.

Выдвиженец

Вероятно, те, кто побывал в тяжелых испытаниях, одерживал нелегкие победы, с трудом приспособляются к спокойной жизни. Атмосфера борьбы, поисков, волнений навсегда становится их стихией. Эта мысль не покидала меня на крупнейшем промышленном предприятии КНДР — Пхеньянском электровозном заводе. Но прежде несколько слов о прошлом, чтобы лучше понять дела нынешние.

Когда-то на окраине Пхеньяна предприимчивый капиталист из Осаки построил механический завод. На нем ремонтировались и собирались вагоны и паровозы для тех трех тысяч километров железных дорог, которые имелись во всей Корее. Механизмов на заводе не хватало. Но владелец не приходил от этого в ужас. Зачем машины? Ведь труд людей так дешев, что успешно конкурирует с машинами.

После разгрома милитаристской Японии завод быстро расширили, и он стал выпускать железнодорожное оборудование. Четко определился профиль предприятия — паровозостроительный завод. Но планам не суждено было сбыться. В 1950 году началась война. Она испепелила завод железнодорожного оборудования.

После перемирия остро встал вопрос, как быть дальше? Решили идти по новому пути. Республика отказалась от создания своей паровозостроительной промышленности. Паровозы требуют много топлива, они малоэффективны в горных условиях Кореи, где на линиях не счесть тоннелей, где велика крутизна склонов пути и малы радиусы поворотов. Поэтому завод уже не восстанавливали по прежнему образцу. На его месте создавалось другое предприятие, которое должно было выпускать электровозы. Это был прыжок через целый этап. В канун четвертого съезда Трудовой партии Кореи, в августе 1961 года, с заводской территории вышел первый корейский электровоз. Его назвали «Пульгынги», что значит «Красное знамя».

У секретаря парткома завода были черные, без единой сединки волосы и строгое, сосредоточенное лицо. Мы ходили по литейному цеху, и он рассказывал, что долгое время цех был узким местом и сдерживал весь завод. «Старый начальник цеха, — говорил секретарь, — был осторожен, как лис, побывавший в капкане, умел хорошо говорить, но не так хорошо работал. Его крепко критиковали, и сам он был не прочь заняться чем-нибудь полегче. А кем его заменить? Партком предложил молодого мастера, несмотря на то, что его знали как человека строптивного, неподатливого. Но это был хороший специалист, не один раз обеспечивавший успех свою смекалкой и изобретательностью. Выдвиженец сразу проявил себя. Он сказал, что многое надо перекроить, и взялся за дело. Новый начальник цеха не искал легких путей и действовал очень решительно. Теперь у нас никаких забот с литейным. Даже берем заказы с других заводов».

Сами литейщики характеризовали выдвиженца кратко и выразительно: «Он работает вместе с нами, и мы никогда до этого не трудились так здорово».

О себе новый начальник цеха говорит, не обращая внимания на то, что могут заподозрить в нескромности.

— Когда я берусь за что-нибудь, то знаю, что тут вся моя жизнь, сосредоточиваюсь только на деле. Из цеха уже ничем меня не выманить на долгие заседания в прокуренных комнатах. Впрочем, главное в другом. Мы чаще стали задавать себе вопросы, во что наше начинание обойдется? На свои силы надо рассчитывать или на государственные денежки? — Он не видел ничего особенного в том, что у литейщиков хватило сил самим произвести переделки в цехе. — Разве мы имеем представление о всех своих возможностях? Вечно пускаем в ход только часть из них. — Потом быстро, будто боясь забыть, добавил: — Наши усовершенствования — это коллективная собственность потому, что их создавали все.

Передо мною был человек, который, прекрасно зная свое дело, близко принимал к сердцу заботы цеха, нередко не соглашался с мнением начальства. Но я встретился не с задиристым фрондером. Это был человек прямой и по-хорошему честолюбивый.

Прощались мы по-дружески. Молодой начальник цеха, чтобы смягчить впечатление о его беспокойной натуре, сказал: «Изрядное дело не под силу одному человеку. Для этого надо привлечь способности всех. Тогда раскроются те дарования, которые есть в каждом, только в разных пропорциях».

Всегда быть первым

Новость была ошеломляющей. Молодежная бригада строительного треста, возглавляемого Хван Бен Гвоном, за шесть дней завершила монтаж корпуса пятиэтажного дома на шестьдесят семей. Я поспешил на стройку.

— Мы добились этого дружной и напряженной работой, — рассказывали ребята и, смеясь, добавляли: — А еще потому, что у нас есть головы на плечах.

Все именно так и было. Работали много и думали, как облегчить свой труд. Изобретение монтажника Ким Чже Яна для заливки швов железобетонных блоков и плит используется ныне на других стройках столицы. Небольшой коллектив сплоченных парней жи-

вет и трудится душа в душу. Но он сложился не сразу. Двое не смогли приспособить себя к темпу, взятому товарищами. «Не обязательно быть самыми лучшими. Ведь идущие впереди не поднимают пыли. Идти за ними тоже неплохо», — рассуждали они. Эти двое ушли к малярам. Породил ли их уход кризис в бригаде? Нет. Один пожелтевший листок не означает осени. Он может появиться и в середине лета.

Бригадир был молодым, держался уверенно. На мой вопрос ответил так, как думал:

— Нам очень хотелось быть первыми, поэтому и натянули струну потуже.

Всегда быть первым, преодолевать любые трудности, не бояться незнакомого и нового, помогать другим и все время думать, как сделать работу производительней, изобретать, творить — разве не с помощью этих великих качеств пхеньянцы воссоздали на руинах свой прекрасный город?

— Они очень упорны. Уж если вцепятся во что-нибудь зубами, то ни за что не выпустят, — говорил начальник треста о ребятах.

Секретарь организации Союза социалистической трудовой молодежи треста рассказывал, что все в бригаде — члены союза. Они прекрасно выполняют призыв ЦК ССТМ: «С хозяйским подходом вести социалистическое строительство, бережно обращаться с государственным имуществом, энергично развешивать новаторское движение».

Я стоял лицом к лицу с молодыми строителями, разглядывал этих представителей новой Кореи, и резкий, безжалостный свет подчеркивал твердость их намерений. В этих ребятах воплотились лучшие качества корейского народа, породившие то явление, которое называют так обыденно — пхеньянские темпы.

Нефритовый цветок

В Корее говорят: познакомись с хорошими людьми — все равно что побываешь в цветущем саду. Я много раз убеждался в правильности этого изысканного выражения.

Однажды в Пхеньянском Народном комитете меня представили известной ткачихе Кан Ок Хва. Она при-

гласила побывать у них на фабрике *. Чтобы попасть туда, пришлось по ровной, как стрела, дороге пересечь городские предместья и зону огородов, походивших на большое одеяло, сшитое из разноцветных лоскутков. Нас встретила пестрая и говорливая толпа ткачих. Внешне Ок Хва ничем не отличалась от них. Та же кофточка с короткими рукавами, длинная темная юбка и поверх спецовка в виде сарафана, то есть на ней была традиционная одежда корейских текстильщиц. Правда, Ок Хва выглядела собраннее и строже других.

Чем же прославилась эта женщина? Почему о ней пишут в газетах как об олицетворении нового человека? Ведь в Корее, да не только в Корее, художники предпочитают изображать этого нового человека в виде могучего мужчины на фоне доменных печей и заводских труб, а не хрупкой женщины. Тут нет никаких недоразумений. Кан Ок Хва заслужила свою славу. Восемнадцатилетней девушкой она пришла на фабрику и уже через год обслуживала установленную норму станков. Шло время. Дни и недели летели быстро, как челноки. Девушка начала работать на полуторной норме станков, а после совещания передовиков текстильной промышленности (она была его участницей) — на двойной.

У ткачихи стали учиться. У нее появились последователи. Партийный комитет выдвинул лозунг: «Фабрике нужна тысяча Кан Ок Хва!» «Меня это очень беспокоило, — чистосердечно говорила ткачиха. — Ведь учиться можно у инженеров и мастеров, а чему учиться у малограмотной женщины? Однако я не собиралась отступать».

Инициатива, проявленная Ок Хва, позволила администрации фабрики ввести еще одну смену при незначительном наборе нового персонала. На мой вопрос, что было самым трудным на пути к успеху, Кан Ок Хва ответила без обиняков: «Кое-кому из ткачих не понравились мои новшества. Они прямо говорили: «Чего ты убиваешься зазя? Брака-то у тебя больше

* Пхеньян — это прежде всего город текстильщиков. В нем производится львиная доля тканей КНДР. Кроме текстильного комбината, выпускающего за четыре дня столько тканей, сколько их производилось во время японского господства во всей Северной Корее за год, здесь есть еще девять текстильных фабрик меньших размеров.

всех». Действительно, брака у меня тогда было много. Это волновало сильнее всего».

Неожиданно заговорил мастер: «Хотите, я расскажу вам про давний случай. Он поможет кое в чем разобраться. У одной девушки, пришедшей на фабрику, плохо шли дела. В тяжелую минуту она сказала мне: «Все равно ничего не выйдет, не стоит тратить время. Только творения просветленных будд совершенны и не имеют брака. А разве я осмелюсь сравниться с ними?»

Присутствующие рассмеялись, а Ок Хва зарделась. «Но, — продолжал мастер, — дело оказалось проще, чем предполагала работница. Люди-то не хуже будд. Она хорошо освоила дело, и ее портрет появился на доске Почета».

Кан Ок Хва смотрела на меня, стараясь убедиться, все ли я понял из того, о чем рассказывал мастер, и, должно быть решив, что все в порядке, заговорила: «Какие бы ни были трудности, мне всегда нравилось работать на текстильной фабрике. О нашем труде люди вспоминают каждый день, надевая одежду. Хорошо быть ткачихой».

Потом работницы показывали фабрику, которую по праву называли «морем зелени». Проезды и дворы между строениями утопали в пышной растительности. В середине октября большинство деревьев стояло в зеленом убранстве. Осень успела позолотить только платаны да тронуть киноварью листья кленов. Аллея у ворот фабрики была обсажена молодыми соснами. «Аллея соснового шума» — такое тонкое поэтичное название дали ей работницы.

Прощаясь, я обратил внимание на то, что Кан Ок Хва уж очень худенькая. Мне ответили шуткой: «Она студентка вечернего техникума и не имеет права быть полной. Ведь толстый студент — это нарушение всех правил, он должен быть худощав от занятий науками».

Ок Хва — это имя в переводе означает «нефритовый цветок» — дала мне на прощание листочек с собственными стихами. То, что ткачиха пишет стихи, не было удивительным. В Корее многие пишут стихи. Меня поразила в ее стихотворении такая строчка: «Жемчужины вырастают на стеблях риса...» Именно такие люди, как Кан Ок Хва, являются драгоценными жемчужинами республики.

В каждом городе есть что-то, придающее ему неповторимость. Пхеньян знаменит своею Горой пионов — Моранбоном, расположенной в самом его центре. Скорее это не гора, а небольшой горный массив с семью вершинами, вытянувшийся вдоль протоки Тэдонгана, круто обрываясь над нею. За протокой, в водах которой отражаются моранбонские скалы, лежит остров-парк Ныннадо. Он весь в цветах, плакучих ивах, тополях и соснах.

На Моранбоне действительно много пионов — этих прекрасных цветов, свидетельствующих о красоте природы Кореи*. Там и естественный лес, и поляны, и парковые массивы. Там представлено все, что по национальным стандартам делает парки совершенными: пруды, соединенные каналами, гроты с пещерами, беседки с цветными черепичными крышами, галереи и высокие мостики.

Моранбон — святое место для каждого корейского патриота. На его самой видной вершине обелиск из светло-серого гранита со словами на корейском и русском языках: «Вечная слава великой Советской Армии, освободившей корейский народ от японских колонизаторов и открывшей ему путь к счастью и независимости». Бывает, что по воле времени, под влиянием страстей или заблуждений ослабевают чувства дружбы. Но узы братства, скрепленные пролитой кровью, нерушимы на века. Отношения между нашими народами подлинно братские. Именно поэтому пхеньянцы всегда и неизменно с благоговением относятся к обелиску Хэбантхаб — символу нашего братства. У под-

* Впрочем, на вопрос, какой самый любимый цветок у корейцев, нельзя ответить — пион. У пиона есть блистательный и несравненный соперник — лотос. Когда в июле — августе он зацветает, то к лotosовым прудам текут, не прерываясь, людские потоки, чтобы полюбоваться чудесными большими цветами белоснежного или розового цвета и с ярко-желтой сердцевинкой. Но цветы лотоса недолговечны. Они живут не больше трех дней, распускаясь утром и свертываясь вечером. Вообще же в Корее любят все цветы. Цветы — бессмертная тема художников, поэтов. Красоту цветов здесь передают весьма своеобразно: когда они освещены солнцем, когда покрыты капельками росы, когда склоняются под струями дождя.

ножия обелиска алеют цветы. Все, кто их приносит, думают о советских людях, отдавших свою жизнь за раскрепощение Кореи.

Освободительный поход Советской Армии на Востоке — это самая яркая страница в истории Кореи и в летописи отношений наших народов. Не счесть всего написанного корейцами об этом великом событии. Тут есть слова эпохальные, беспрецедентные по своей значительности. В одном из московских музеев, например, хранится уникальный документ — благодарственное письмо Советской Армии, подписанное 17 миллионами жителей Северной и Южной Кореи, то есть почти всем взрослым населением. «Не один раз за свою многовековую историю, — говорится в письме, — Корея видела у себя чужеземные войска. От их мечей умирали наши патриоты, гибло мирное население: они жгли наши города и села, превращали их в развалины и груды пепла. И только советские войска пришли к нам не как завоеватели, а как освободители».

Мне хочется привести здесь еще слова Ли Ги Ена — старейшего корейского писателя, мудрого и отважного, самого популярного во всех слоях населения. Он неизменно выражал и выражает мысли и чувства своего народа.

«Я глубоко убежден, — писал он, — что в жизни нашего народа маяком надежды служил, служит и будет служить великий Советский Союз. В то время, когда Корея изнывала под гнетом японских самураев, все честные люди нашей родины, борясь с нищетой, с лишениями и бесправием, всегда устремляли свои взоры к Москве, откуда излучает свет маяк всего человечества. Рубиновые кремлевские звезды, как символ свободы и надежды всегда воодушевляли нас и указывали путь всему народу...

15 августа 1945 года. В этот день Советская Армия, пришедшая с освободительной миссией, одним ударом разрубила цепи рабства, рассеяла тьму, которая почти сорок лет омрачала нашу родину, дала нашей нации новую жизнь и свободу.

В многовековой истории корейских сел и городов открылась новая страница. Золотыми буквами на мону-ментах, воздвигнутых во всех населенных пунктах в честь Советской Армии — освободительницы нашего народа, записан этот исторический акт. И рассказы

про первые встречи с советскими воинами по сей день с любовью передаются из уст в уста наряду с самыми прекрасными легендами корейцев...»

Еще о Горе пионов

Моранбон — немой свидетель бурной истории Кореи. Здесь могилы древних правителей и вырубленные в граните подземные залы, в которых размещались во время войны штабы и другие органы по управлению войсками. Моранбонские скалы испещрены различными текстами, выдолбленными на предварительно выровненных, а то и отполированных стенках в давние времена лет сто, двести и больше тому назад. Это преимущественно фамилии и должности чиновников, перечисление их «заслуг» и «благих» дел. Однако на скрижалях есть и иные тексты. «Долго не высыхают слезы у обиженного, никогда не забывается оскорбление, нанесенное невинному». Какую драму скрывают эти две строчки иероглифов?

За нескончаемые годы жизни города каждый камень, каждая вершина Моранбона опутаны легендами, связываются с приметами и предзнаменованиями. Так, об одной скале говорят, что стоит задержаться у нее, как узнаешь все свои пороки. В это ныне не верят: люди быстро проходят скалу, не задерживаясь у нее.

От Моранбона идут лощины. В одной из них разместился стадион, а в другой, у самой протоки, — старинный монастырь Ёнмёнса. Строения монастыря во время корейской войны были разрушены. Теперь на их месте живописные здания резиденции для иностранных гостей. Стадион, окруженный со всех сторон дубами, акациями и соснами, как бы врезается в толщу Моранбона. Говорят, что это самый красивый стадион в Азии.

На Моранбоне расположен крупнейший в стране летний театр, а также здание зимнего театра, которое считают образцом современной корейской архитектуры. Проект театра создал архитектор Кан Чхе Кан, а строительство вели жители Пхеньяна в течение 380 дней и ночей. Каждый, кто прибывает в город с аэродрома, обращает внимание на каменную лестницу, ведущую к театру, и на фонтан, бьющий у его входа. На фоне густой зелени Моранбона хорошо выде-

ляется белоснежный фронтон театра, поддерживаемый четырьмя восьмигранными колоннами. На фронте два бессмертных феникса под барельефом государственного герба республики. Крыша театра выдержана в стиле корейской архитектуры, а окна обрамлены узорами национальных орнаментов.

Старая традиция корейцев — праздники с различными соревнованиями. Их центром как прежде, так и теперь остается Моранбон. В такие дни до поздней ночи при свете фонарей веселятся горожане. В Пхеньяне, как нигде, глубоко чувствуешь различие между буднями и праздниками. В выходные дни и в дни торжеств город и горожане преображаются. Все пестрит и играет яркими красками. Красные, голубые, желтые транспаранты, флаги и лозунги, цветастые одежды женщин превращают улицы в феерию.

После освобождения страны в одежде жителей произошли большие перемены. Прежде тот или иной вид одежды имел свое значение. По платью узнавали, к какому сословию принадлежит его владелец, женат он или холост. Знать носила одежды из шелка с узкими рукавами. Простому народу это было не только не по карману, но и строжайше запрещалось. Он должен был носить куртки из низкосортной белой или серой материи с мешкообразными рукавами и такие же штаны. Женатым еще разрешалось носить шляпу и длиннополый халат. Так было в прошлом, о котором теперь знают понаслышке. Разве что древний деревенский старик, появившийся на городской улице, наведет на размышления о днях минувших.

В будни на пхеньянских улицах не бывает пестрой, праздничной толпы. Городу не свойственна эта экзотическая особенность многих столиц Востока. Одежда жителей из простых отечественных тканей всегда чисто выстирана и отутюжена. Она удобна для работы, и нет в ней ничего лишнего. Корейцы не чувствительны к требованиям капризной моды. К детям это, однако, не относится. Их здесь очень любят и наряжают в пестрые штанишки и кофточки, рукава которых шьются из шелка с поперечными разноцветными полосами.

Нарядней других выглядят и пожилые люди. Белизну курток стариков оттеняют черные жилеты и

черные шляпы. Белые широкие штаны подвязываются у щиколоток. Одежда женщин-матерей тоже довольно живописна. Длинная до пят юбка — чима — начинается у самой груди, почти под мышками. Короткая кофточка — тёгори — так коротка, что не закрывает и пояса высокой юбки, а своим белым воротничком подчеркивает опрятность корейской женщины. Длинные рукава кофты походят на лепестки цветка, что придает изящность женской фигуре. На ногах белые шитые чулки — посен — и туфли с заостренными носками — комусин.

В дни торжеств по случаю революционных и народных праздников по всему городу происходят разнообразные соревнования и показательные выступления спортсменов, концерты артистов. Однажды мне пришлось присутствовать на соревнованиях отличников обслуживания населения. Состязания происходили на моранбонских лужайках. Работники магазинов и лавок показывали искусство взвешивания и упаковки товаров, продавцы мяса одним взмахом ножа отрезали нужное количество с точностью до трех-пяти граммов. Победителями оказались повара. За считанные минуты ими удалялись кости из курицы или утки, безошибочно делилась рыба на любое количество равных порций. Повар из ресторана «Окрюгван» сделал из полукилограмма теста около пятисот метров лапши, тонкой, как нитка.

Но что действительно неповторимо, так это массовые народные представления на Моранбонском стадионе. В них заняты десятки тысяч человек. Спортсмены выступают на футбольном поле стадиона и на его дорожках, а зрители, сидящие на трибунах, манипулируя пушистыми большими пионами, сделанными из разноцветной бумаги, кусками цветных тканей, создают целые картины с танками и самолетами, с гигантскими доменными печами, тракторами, ирригационными каналами, по которым течет вода на кооперативные поля.

Это театральное действие, несмотря на то, что в нем занято множество людей, всегда отличается согласованностью, богатством фантазии, большим художественным мастерством и волнующей зрителей современной тематикой. Огромные фоновые картины на трибунах органически сливаются с ритмом гимна-

стических упражнений на поле стадиона. Во всем этом есть что-то большее, чем обычное зрелище.

Боюсь, что мое описание не даст представления ни о красоте зрелища, ни о том захватывающем ощущении необычности, которое никого не оставляет равнодушным.

Университет республики

У этого вуза трудный путь и много испытаний. На четвертом году его существования, когда готовился первый выпуск, грянула война. Три года студенты и преподаватели провели в горном ущелье, не прекращая учебы, оборудуя пещеры под жилье и аудитории, выращивая кукурузу и овощи для питания. «Горы тверды, но они не тверже нашей решимости; горы высоки, но они не выше наших устремлений» — такой рефрен был в тогдашней университетской песне.

После войны — строительство, организация жизни большого коллектива. Трудности шли вереницей, они методично сменяли друг друга. Все добывалось в борьбе. Университет имени Ким Ир Сена выдержал все невзгоды, потому что среди его студентов и преподавателей всегда было больше тех, кто боролся, не прятался от трудностей, а не тех, кто стоял в стороне.

В кабинете декана геологического факультета собралось много людей. Но на мои вопросы отвечали только двое: сам декан и преподаватель Ли. Первый в университете работает недавно, второй же — со дня основания, с октября 1946 года. Тогда по решению Временного Народного комитета Северной Кореи он сменил профессию инженера-угольщика на преподавателя.

Со слов Ли я узнал, что в первый набор в университет принимались лишь сыновья и дочери патриотов, павших в антияпонской борьбе. Они были слабо подготовлены, поэтому занятия шли не по вузовской, а по школьной программе. Но как бы ни строилась учеба, важнейшим всегда было изучение марксизма-ленинизма. «Это как бы главный камень в своде всего перекрытия, — говорил Ли. — Его нельзя ослабить, не обрушив всего здания».

Позже отдельные факультеты — политехнический, медицинский, сельскохозяйственный — отпочковались в самостоятельные вузы. Видимо, этот процесс будет продолжаться и дальше. Кроме главного корпуса, имеются здания, где расположены факультеты, общежития, научная библиотека с двумя миллионами книг, издательство с современной типографией. Уже вступил в строй 22-этажный второй корпус, будут построены большие лекционный и спортивный залы. Будет и свой стадион. Впрочем, в Пхеньяне очень берегут землю. Поэтому на площади примерно в пятьдесят гектаров предполагается иметь строения площадью полтора миллиона квадратных метров.

Мы побывали в университетских аудиториях и в общежитиях. Там царил атмосфера пытливого учебы, настойчивого труда. В читальнях не было пустых мест. В клубе ребята замирали, следя за пьесой, а потом будто разрубалось молчание, по рядам прокатывались шум или громкий хохот. Везде студенты рассказывали о своих делах, с нетерпением ожидая их оценки от человека со стороны. Конечно, им хотелось хорошей оценки.

Как мы учимся? Наверное, так же, как и все. Нравится ли специальность? Нравится. Почему мы так одноцветно и просто одеваемся? Да ведь красочная и замысловатая одежда не годится для настоящей работы. Может, для музеев, где прикалывают бабочек, она подходит?

Когда один отвечал на вопросы, то другие шумно поддакивали. Случались и заминки. Тогда без стеснения говорили: дайте нам поразмыслить, потом ответим.

Часто, хоть и по-разному, студенты говорили об одном и том же. О двух дорогах. Одной широкой и светлой, по которой сейчас идет республика. Другой — опасной, распадавшейся на множество партизанских троп. Для того чтобы появилась первая, деда и отцы нынешних студентов долгие годы сражались на второй.

Мне понравилось, что студенты не давали запрограммированных заранее ответов, говорили откровенно и независимо. Многие столетия тут было обыденным скрывать свои чувства, делать все возможное для того, чтобы «сохранить лицо». Люди улыбались,

но это не означало, что им весело. Говорили одно, думали другое. Вот почему я был в восторге от прямодушия ребят. На них уже не висит этот груз прошлого.

Не одни учебные занятия заполняют жизнь в университете. Вместе с преподавателем Ли я побывал на спортивной площадке. Людей там было больше того числа, на которое площадка рассчитана. Девушки играли в волейбол, а парни прыгали через планку. У площадки взад и вперед ходил тощий парень. Он твердил что-то монотонно, не обращая ни на кого внимания. Это был поэт с филологического факультета.

— Но, — говорили мне, улыбаясь, — его стихи, как книги по ядерной физике — доступны только знатокам.

Широколицая девушка рассказывала:

— Не ожидала, что меня изберут ответственной по спорту. Никем никогда не руководила прежде. Однако работа выполняема, хотя и отнимает много времени.

Выяснилось, что студенты недавно вернулись из уезда, где помогали крестьянам-кооператорам высаживать рисовую рассаду. Но геологический факультет имел там иную работу — делали кирпичи из глины и соломы для кооперативного свинарника. Довольные и поздоровевшие все вернулись в университет, чтобы на следующий день снова сесть за книги.

Ночью, когда мы возвращались домой, меня не покидали мысли о первом высшем учебном заведении КНДР. Именно здесь дан ответ на три вопроса, которые задавались с тревогой и сомнением. Сумеет ли страна, которая не знала высшего образования, создать целую систему вузов в короткие сроки? Сможет ли она обеспечить институты и университеты национальными профессорско-преподавательскими кадрами высокой квалификации? Не будут ли ее вузы ниже современного уровня? Пхеньянский университет имени Ким Ир Сена ответил «да» — на первый вопрос, «да» — на второй, «нет» — на третий.

Яркие цветы счастья

Везде есть свои певцы и поэты, которые сохраняют в памяти людей славное прошлое страны, рисуют картины родной природы, берегут драгоценные крупицы народной культуры.

В Пхеньяне к таким поэтам надо отнести и вышивальщиц, произведения которых известны не только у себя на родине, но и за границей. Мне иногда казалось, что немногие художники могут проявить свой талант столь успешно, а свое чувство прекрасного выразить столь ярко, как эти скромные искусницы.

Пхеньянские мастерицы, на строгий суд, не создали чего-то ошеломляющего, никаких пластов не перевернули, ничем не потрясли. Но их творения корейцы встречают с радостью и благодарностью. Вышивки заняли прочное место в патриотическом и эстетическом воспитании народа. Мне хочется рассказать кое-что о пхеньянской вышивке, но отнюдь не из-за того, что я большой специалист в этом деле, а просто потому, что полюбил это старое и замечательное художественное ремесло.

О том, что вышивание здесь популярно, узнаешь очень быстро. В теплые летние дни женщины садятся во дворах в тени каштанов, а то и просто на порогах распахнутых дверей, на подоконниках раскрытых окон и занимаются этой изящной работой. Вышивки в столице КНДР очень почитаются, они глубоко вошли в быт горожан, ими украшаются праздничные одежды, сумки и детские шапочки. Вышитые картины придают торжественность общественным залам и уют частным квартирам.

Лучшие работы сосредоточены в Пхеньянском художественном салоне, их можно также видеть на корейских выставках, организуемых за границей. Нередко вышивки невозможно отличить от живописи, так искусно они выполнены на белой или кремовой ткани. Самыми нежными оттенками тончайших нитей натурального шелка передается вся гамма красок. Знакомясь с ними, попадаешь в плен сказок. Столько в них чистоты, жизненной мудрости, любви к родной земле!

Наиболее распространенные сюжеты вышивок — животные, птицы, бабочки, деревья, цветы, пейзажи*. Вышивальщиц вдохновляют красоты весны с ее нежными почками, цветами и молодыми листьями, прелести лета, грустные картины осени и белоснеж-

* В таких сюжетах много национальной символики. Подобно другим народам Дальнего Востока, корейцы считают сосну, например, символом долголетия, плод граната — симво-

ная живописность зимы. Им очень нравится бамбук, строгий и спокойный в своем зеленом убранстве, прямой и чистый. Люди на вышивках были редкостью, для мастериц их будто бы и не существовало. Такова традиция.

Бессмертная тема пхеньянских вышивальщиц — живописные виды Алмазных гор с хрустальными речками и водопадами, девственными лесами, острыми пиками и сказочными ущельями. Часто вышиваются орлы и тигры, а то и драконы. Это — символы силы и отваги. Орлы и тигры — обычные обитатели корейских сопок и лесов, их знает каждый, если не по зоопаркам, то по чучелам, создающим точное внешнее подобие. С драконами же дело обстоит иначе. Вышивальщицы их воспроизводят по народным сказкам, в каждой из которых по-своему представлены эти создания человеческой фантазии. Драконов редко копируют, и их всегда рассматриваешь с интересом. Тут находишь кое-что от характера вышивальщиц, чувствуешь взлеты их воображения. Характерно, что корейцы не пугаются чрезмерностей. Серая умеренность и у них не бывает признаком одаренности.

Время перемен решительно шествует повсюду. Оно не прошло и мимо тематики вышивок. Появилась, например, вышивка «Сплавщики на горной реке», по которой сделано множество копий, и теперь невозможно установить, кто же ее автор. На этой вышивке суровый горный пейзаж Кореи гармонично сочетается с людьми, занятыми таким нелегким делом, как управление плотами на бурной речке.

На многих вышивках — крылатая лошадь Чхонлима. Чаще всего это эскиз монумента, установленного в Пхеньяне на горе Мансудэ. Там на спине взвисьшейся на могучих крыльях лошади фигуры рабочего, держащего высоко над головой развернутую книгу, и крестьянки со снопом риса в руках. Вышивальщицы увлекаются этим сюжетом, ведь Чхонлима стала девизом целой эпохи в жизни республики. Это символ несгибаемого духа народа, несущегося вперед на могучих крыльях, олицетворение высоких темпов

лом многочисленного семейства, летучих мышей и сорок — символами счастья, пару аистов — символом семейного единства и гармонии и т. д.

строительства социализма. Идея крылатой лошади образна и понятна для всех потому, что она взята из старой, очень распространенной корейской сказки об отважном богатыре, который одним махом пересекал моря и горы, сидя на коне-птице. Разве могли пройти наблюдательные вышивальщицы мимо такого яркого сюжета?

— Существуют ли твердые правила в вашей работе? — допытывался я у Ли Вон Ин, известной мастерицы. Она не бралась формулировать правила и законы, а просто делилась своими мыслями.

— Надо любить это дело, — были ее первые слова.

Святая правда. Любовь простых корейнок к вышивке граничит с поклонением. Издавна они умели так украсить своими творениями жилище и одежду, что все это было подчас лучше, чем в богатых домах. Вышивальщицам не требовалось дорогих тканей: игла да нитки, которые они сами пряли, да хороший вкус и острая наблюдательность, смелое воображение и неистребимое жизнелюбие.

Привязанностью к вышивке порождено и завидное терпение вышивальщиц. Я видел круглую наволочку диаметром сантиметров сорок, на которой мастерица сделала около десяти тысяч стежков. Над картиной «Павлины на старой сосне» работала группа женщин в течение года. Казалось, что тут не обращают внимания на затраченное время, стремясь сделать работу прекрасной, предельно исчерпать свое умение и талант.

Традиции вышивки развивались в течение веков вместе с другими художественными ремеслами. Но имена людей, работы которых хранятся в пхеньянских музеях, остались неизвестными. Эксплуаторам было выгодно обезличивать талантливых мастериц. Вышивальщицы влачили жалкую жизнь, хотя они трудились не только над заказами корейской знати, но и японского императорского двора. Мне говорили, что мастерицы знали десятки способов вышивки, что среди них были искусницы, создавшие цветы, столь похожие на настоящие, что над ними летали бабочки. Новое поколение унаследовало это мастерство и пошло дальше. Так, все профессиональные вышивальщицы ныне учатся изобразительному искусству и уме-

ют рисовать, что было редкостью прежде. Недавно создан специальный институт корейской вышивки, в котором занято более двух сотен вышивальщиц. Несколько из них имеют почетные звания заслуженных деятелей искусств.

Однажды я обратил внимание старой вышивальщицы, что в ее работах много ярких цветов.

— Яркие цвета? — переспросила она. — Но ведь в них красота жизни. Темные и блеклые — это наше прошлое. Мы, старики, долго мечтали творить для народа. Сейчас эта мечта осуществилась... Когда так много счастья, то хочется вышивать только красными нитями.

Пхеньянская вышивка переживает расцвет. Открылись новые глубинные тайны этого старого корейского искусства. Однако в чем причина большой популярности именно вышивки? Думаю, что не только в ее традиционности и не в каком-то чрезвычайном таланте мастериц. Талантливых только десятки, а вышивают — тысячи. Дело, должно быть, в другом. Это искусство не крикливо, оно скромно, искренне и честно. То есть дарит людям то, в чем они так нуждаются в наше шумное время.

Когда город спит

Стоял конец сентября, самый разгар страдной поры. Сезон тайфунов уже прошел, и воздух бодрил своей свежестью. Деревья выглядели нарядными, кое-где на них проглядывала красная, коричневая и золотая листва. Плакучие ивы, однако, сохраняли свой летний изумрудный цвет.

На полях созрели кукуруза и рис. Густая зелень корейской редьки, которая высаживается летом и убирается в заморозки, где-то в середине или конце ноября, резко выделялась своими прямоугольниками и узкими полосами. Шла массовая жатва риса. Его обмолачивали прямо на полях, на специально построенных небольших токах. В садах снимали яблоки и груши. Плодов было так много, что ветви поддерживались жердями, подвязывались веревками, свитыми из рисовой соломы.

После полуночи, когда уже прекратилась бешеная пляска мошкары над кустами набережной, но еще

ничто не предвещало восхода солнца, мы вышли побродить по городу, посмотреть, чем живет он ночью. Улицы были скупо освещены и безлюдны. Город спал после трудового дня. Пхеньян еще не прокопчен автомобилями и химическими заводами. В воздухе стоял запах спелых яблок, из продовольственных магазинов резко пахло вяленой рыбой, водорослями, грибами, острыми корейскими приправами и соусами. Мы бродили молча и удивлялись тому, что возможны долгие часы такой тишины в центре большого города. Тихо попискивая, скользили летучие мыши.

Впрочем, безлюдие улиц было кажущимся. У овощных лавок мелькали человеческие фигуры. У одной такой лавки-палатки появился мужчина в черном фартуке. Он сказал в темноту:

— Сан Ир, поворачивай в другое место. У нас всего достаточно.

И тогда мы увидели, как невысокий парень поднял оглобли ручной тележки с надувными резиновыми колесами, горой нагруженной овощами, и покатил по пустому тротуару. Он остановился у другой лавки, где стояли корзины с темно-красными, как мукузани, яблоками.

Группа парней и девушек, которые работали тут временно, шумно приветствовали Сан Ира, а нас осматривали бесцеремонно и подозрительно. Вскоре все было улажено, и тележку начали разгружать.

— А хорошо ли сюда складывать? Не испортим капусту? — спрашивал кто-то, и ему отвечали из темноты:

— Не испортим.

— Ну тогда валяйте, ребята.

Тележку разгрузили. Сан Ир обрадовался и болтал без умолку. Оказывается, это был его второй рейс за ночь, и он хотел сделать еще один.

Овощи и фрукты в Пхеньяне развозят по лавкам самым различным транспортом. Из ближайших огородов — на ручных тележках. Везут осторожно, стремясь не помять ни одного листочка. Из дальних — на грузовиках. Встречаются и двухколесные телеги, запряженные быком или коровой. (Коров здесь предпочитают использовать как тягловую силу, и очень редко — как молочных животных.) Возница идет впереди, держа повод от кольца, вставленного в ноздри

животного. К задним ногам коровы или быка привязывают мешок, прикрепленный другим своим концом к передку повозки. Таким образом, навоз не пропадает зря, не загрязняет улиц, а собирается без потерь как ценное удобрение.

— Расскажи им, как тебе удается так быстро обочиваться, — говорила Сан Иру девушка в мужской молодцеватой фуражке.

— Таким уж я родился счастливым.

— А конкретнее? — приставала она.

— Конкретнее? Пусть никто не подумает, что набиваю себе карманы. Не поэтому. Просто я очень радуюсь, когда вижу, что все несут из магазинов полные сумки овощей и фруктов. Только и всего.

Сан Ир поднял оглобли тележки и покатил в обратном направлении. Дворники уже полили тротуары. Невысокий парень шлепал по лужам, хорошо зная, что никто не посмеется над его откровенностью.

Заведующей овощной лавкой, где он разгрузился, была женщина. Она знала свое дело и умело распорядилась.

— Да, могу рассказать о наших делах, — заговорила завмаг. — Еще недавно, с неделю назад, нам не хватало овощей, а точнее, капусты. Теперь все в порядке. Не то чтобы были излишки. Однако хватает. Фрукты вот не знаем куда девать. Их покупают много, а подвозят еще больше. Сейчас куда лучше, чем было в прошлом году.

— Это оттого, что нынче урожай лучше или овощей стали выращивать больше?

— И по той и по другой причине.

Мне хотелось узнать побольше об этой женщине.

— Нет, я не всегда работала в торговле. Прежде была бухгалтером на швейной фабрике. Пришлось переучиваться на ходу.

— Тяжело, конечно, было, — посочувствовал я.

— И другие говорили то же самое: тяжело, сложно. Даже спрашивали, не боюсь ли? Ведь мне никогда не приходилось заниматься подобными делами. Но я была иного мнения. Торговля овощами? Подумаешь, какая премудрость! На швейной фабрике было посложнее. За меня могли быть спокойны. Сказали, что надо, о чем же после этого разговаривать?

— Значит, вы не жалеете, что ушли в торговлю?

— Могу всегда отказаться от этого бремени, если почувствую, что оно тяжело для меня. Но я уже разобралась в делах, с лавкой справлюсь. Однако не подумайте, что я отношусь к тем людям, которые уверовали, что все знают и все умеют.

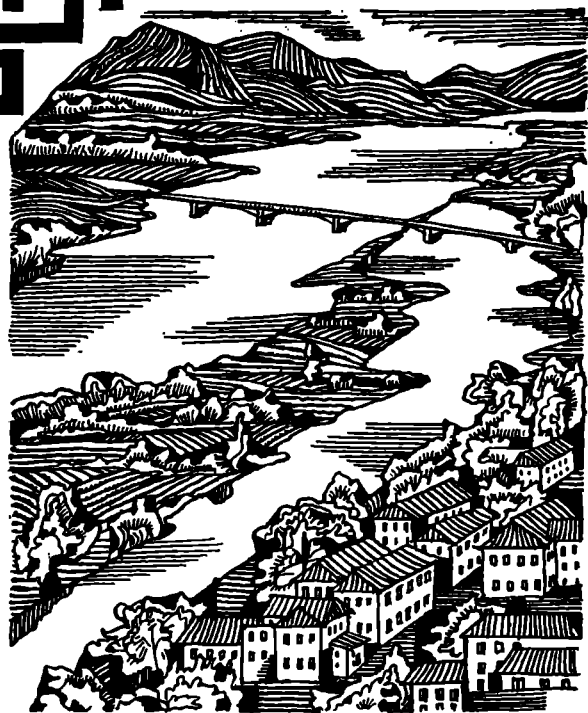
Наш разговор не интересовал молодежь. У нее были свои дела. Парень со значками на куртке ел яблоко, над ним подшучивали.

— Он до сих пор не определил, какой сорт яблок лучше, и занимается исследованием, — говорил сосед в очках. Девушки громко смеялись.

Как бы свободно ни вела себя пхеньянская молодежь, в ее отношениях много чистоты, искренней дружбы. Конечно, тут сказываются и национальные особенности. У корейцев отношения мужчины и женщины во многом связаны рамками старых традиций. Например, влюбленные не говорят друг другу о своих симпатиях, стыдятся проявления нежных чувств. Не бывает так, чтобы девушка или парень говорили своим друзьям, что они влюблены. Такой поступок был бы расценен как распущенность или в лучшем случае как неумение себя сдерживать.

О воспитании молодежи в Пхеньяне не говорят без того, чтобы не отметить, что оно мыслится лишь в борьбе за объединение Кореи, в процессе выработки единой воли к победе социализма и коммунизма. В общей борьбе против империализма и в труде молодежь видит свой вклад в развитие революции в Корею и во всем мире. Может быть, вот из таких учащих, добровольно работающих ночами в овощных лавках, выйдут хорошие администраторы и видные ученые, квалифицированные рабочие и опытные агрономы, писатели и артисты, беспредельно преданные народу. Их нынешние дела способны показаться незначительными по сравнению с тем, что делается в масштабе всей страны. И это действительно немного. Но все это делается заботливыми руками и встречает одобрение со стороны горожан.

Однако уже светало. Наступало то чудо, которое создают утренние зори Кореи, прозрачный воздух, необыкновенная легкость, с которой дышится в часы рассвета. Еще две тысячи лет назад за это Корею называли Страной утренней свежести — Чосон.

ПРЕКРАСНЫЙ ТЭДОНГАН

В наш промышленный век это случается нечасто. Большая река с чистой зелено-синей водой посреди города с миллионным населением. Реку поят источники с недоступных гор северо-западной Кореи. Поэтому большую часть года вода холодна и прозрачна, на ее поверхности даже самый взыскательный человек не обнаружит загрязнения. Морские приливы и отливы с точным постоянством изменяют направление потока и уровень воды по всему нижнему течению реки.

Это прекрасный Тэдонган — важней-

шая водная артерия республики. Он играет большую роль в жизни Северной Кореи. Столица КНДР — Пхеньян — стоит на реке и рассекается ее полукилометровой гладью на две части. Не будь реки, тут, видимо, не было бы и этого старейшего на земле города. Все корейские поэты восхищались красотой Тэдонгана. В их стихах Пхеньян и река составляли одно целое. Город не мыслится без реки. О чем бы поэты ни писали — о величии храмов, о садах и парках, о благоухающем кенари * или плакучих ивах, о красавицах пхеньянках — никто из них не забывал о Тэдонгане. Самые лучшие свои строфы они посвящали реке, сравнивая ее то с зеркалом, то с шелковой лентой, называя ее потоки нефритовыми струями.

Рассказ о Тэдонгане хочется начать с того, что тонкую лиричность и близость к первозданной природе придают реке стаи диких уток и других перелетных птиц, которые шумными базарами подолгу задерживаются на отмелях. Никто не знает, почему залетные гости предпочитают самый центр города. То ли потому, что тут богаче пищей банки, то ли из птичьего любопытства, а может, потому, что их далекие предки из года в год останавливались именно здесь. Случается, что какой-нибудь чирок из нового выводка подплывает к набережной, волнуя кровь в жилах местных охотников. Птицы знают, что тут их никто не потревожит. Разве что лодка, вознамерившаяся пересечь отмель, усеянную пернатыми. Катера же и баржи обходят птиц стороной: они ходят там, где поглубже.

Птицы на Тэдонгане не только гости. Сейчас, правда, это становится редкостью, но еще совсем недавно на реке можно было видеть рыбаков, которые промышляют с помощью черных веслоногих птиц. По всей видимости, это бакланы или их близкие сородичи. Они по команде хозяина ныряют с лодок и, быстро плавая под водой, хватают зазевавшихся рыб. У зоба каждой птицы веревочное кольцо, поэтому она не может проглотить рыбу. Вернувшись в лодку, птицы выбрасывают добычу, а затем снова отправляются на ловлю. Время от времени их шеи освобождают от веревочного кольца и позволяют проглотить часть улова. Ныне этот

* Кенари — кустарник, расцветающий многочисленными желтыми цветами. Он походит на испанский дрок, которого так много вдоль дорог Южного Крыма.

интересный промысел исчезает: некому заниматься трудным и очень кропотливым делом обучения птиц-рыболовов.

Я хожу по набережной, пересекаю тэдонганские мосты и думаю, что ходить пешком не так уж плохо. Пеший человек больше увидит, тщательней рассмотрит. Мой спутник Сон Дон Ук хорошо чувствует красивое и утверждает, что не бывает красоты, которая бы не радовала людей. Иногда он говорит, что красота должна утешать. Мы не спорим. С реки доносится песня о муже, который уезжает куда-то далеко. Такие песни поют на всех широтах и, по-видимому, с тех пор, как люди научились петь. Самая древняя тема. Но прелесть такой песни в том, что каждый поет ее по-своему.

— Слышите? — спрашивает Сон.

— Слышу.

— А теперь повернитесь сюда.

Я оборачиваюсь...

Фиолетовая дымка стелется над Тэдонганом, и тают в ней лодки с парусами, похожими на плавники огромных рыб. Они будто только сейчас сошли со старой корейской картины, написанной тушью. Вот, оказывается, откуда черпали свое вдохновение корейские художники! Тут, в этой утонченной стихии, они чувствовали себя легко и привольно, самозабвенно поклоняясь красоте природы. Это были подлинные мастера. На их картинах река, шаланды и лодки на ней создавались как бы одним взмахом кисти. Ведь рисование тушью не допускает исправлений и переписывания, что так обычно при работе маслом.

Тэдонган берет начало у перевала Хванчельрен. На протяжении четырехсот километров его воды текут, извиваясь среди берегов, покрытых то розовым ковром багульника, то полями риса, то у сопок и холмов, по которым раскинулись сады или зеленеют посадки сосны. Плоты сплавщиков леса идут по Тэдонгану, а в глубоких ущельях зеркало его вод отражает то прихорашивающегося дикого оленя, то пришедшего порыбачить медведя. Временами потоки ниспадают каскадом блестящих струй или жемчужинами брызг, образуя быстрины и водовороты.

Когда смотришь с Тэдонгана на корейские сопки, то кажется, что они простираются в бесконечность. Там, вдали, прямо от горных вершин начинаются глубокие

ущелья. На скалах умудрились зацепиться своими корнями низкорослые сосны. В верховьях реки много тихих озер. Ландшафты по Тэдонгану типичны для Северной Кореи, которой природа дала не только красоту, но и несметные богатства. Корейские недра буквально начинены полезными ископаемыми. Восемьдесят процентов территории КНДР представляют собою рудоносную площадь.

Еще не так давно по берегам Тэдонгана шумели вековые рощи: дубы и кедры, саянские ели и липы, бархатное дерево, пихта, а также акации, стволы которых достигали одного метра в диаметре. Многообразен был мир диких обитателей этих лесов. Ныне тэдонганские леса и их обитатели поределли. Омелели и стали капризными притоки реки, меньше остается на ее берегах и отмелях камышей и густых осок, исчезают красножабрые карпы и огромные лещи.

«Тому, кто видел море, трудно удовольствоваться рекою», — говорит стоустая молва. Но такая мудрость поговорки не подходит для Тэдонгана. Тот, кто увидит его, забудет о море. Изумрудная вода и светло-зеленые от плакучих ив берега способны очаровать даже самого утонченного эстета.

К Тэдонгану инстинктивно тянулись люди, находя на его берегах лучшие места для поселения. Земледельцам он давал не только влагу для орошения полей, река кормила их разнообразной рыбой. Когда-то она была единственным путем сообщения, а позже стала самым удобным. До сих пор ряд грузов перевозят преимущественно по реке. Это относится к так распространенным в быту керамическим чанам и горшкам. Их обвязывают веревками, свитыми из рисовой соломы, и ставят рядами на моторные баркасы или шаланды.

Три моста связывают заречную часть Пхеньяна с центром. Они высоко подняты над водой и в ночные часы смотрят своими бесчисленными фонарями в прозрачную спокойную гладь Тэдонгана.

Вдоль реки протянулись набережные. Они начинаются у самой кромки воды ступенями из массивных плит тесаного гранита, к которым пристают лодки, независимо от того, каков уровень воды. Ступени облюбовали рыбаки, с вечера и до утра просиживающие на них с масляными фонарями и колокольчиками на сво-

их закидушках. Через равные расстояния набережная вьедается в реку платформами, окруженными балюстрадой и освещенными большими белыми фонарями. Все из гранита. Тут не заботились о тщательности обработки его, полагая, что он сам по себе отличается красотой и величием. Однако во всей кажущейся простоте и суровости легко обнаружить тонкий замысел мастера.

Там, где кончается набережная, далеко от центра города, вверх и вниз по реке блестят на солнце рыбачьи сети, похожие на покрытую инеем паутину. На воде покачиваются шаланды и сампаны * рыбаков.

Корейские шаланды, или, как их иногда называют, джонки, хорошо служили не только рыбакам, но и для перевозки грузов. С незапамятных времен они бороздили и Тэдонган, и беспокойное Желтое море.

Выше гранитных ступеней набережной идет просторная, выстланная брусчаткой и всегда до блеска вымытая аллея. Она протянулась на километры. С одной стороны аллеи — река, а с другой — плакучие ивы, от которых по просторному берегу поднимается сквер прямо до основания могучей дамбы. Дамба идет параллельно реке, и по ее верху бежит неширокая прогулочная дорожка. С дамбы открывается чудесный вид на Тэдонган и на прилегающую к реке часть города. Если удаляться дальше от Тэдонгана, то придется спуститься по откосу дамбы, преодолеть метров шестьдесят сосновых насаждений, и только тогда попадешь на набережную.

Весной, когда в Пхеньяне дуют теплые ветры, с высокой дамбы запускают бумажных змеев. На это не смотрят как на детскую забаву. Такое развлечение нравится и взрослым. Формы змеев самые разнообразные, но больше всего их делают похожими на птиц и бабочек. Впрочем, в небе парят и рыбы, и ящерицы.

С Тэдонганом связаны рассказы о необычном и чудотворном. Например, большую петлю реки, которую она делает в черте Пхеньяна, в давние времена называли именем мифического резчика по фамилии Ли. Он будто бы жил на излучине и вырезал из дерева аиста, который был так похож на настоящего, что ожил с по-

* Сампан — лодка, сделанная из трех досок: одной широкой и двух узких.

следним движением резца. Птица отблагодарила своего создателя тем, что подняла его на небо. Со смехом рассказывают, что в старину на Тэдонгане был молодой перевозчик Хван. Он так влюбился в одноглазую девушку, что стал верить, будто все другие имеют лишь лишнему глазу.

В прибрежных деревнях и поныне старухи не преминут упомянуть о том, что давным-давно на Тэдонгане находился остров, на котором жили невидимые люди. Их обременяла только одна забота: дарить капли бессмертия всем, кто посетит остров. Это чудодейственное лекарство они изготовляли сами из редких трав, настоянных на отваре, полученном после семи суток кипячения ослиной кожи.

Стоит сказать немного больше о дамбах, протянувшихся по обоим берегам реки, хотя бы потому, что они спасают столицу от разливов беспечного Тэдонгана. Наводнения тут возникают неожиданно и грозно, уничтожая постройки, посевы, смывая или, напротив, покрывая толстым слоем ила верхний, пахотный слой земли. На северную часть Корейского полуострова приходится добрая половина годовых осадков, а они на много превышают тысячу миллиметров в год, в основном выпадая в июле — августе. Это время тайфунов обрушивающих огромные массы воды на восточную часть Азиатского континента, в том числе и особенно на Корейский полуостров. Тэдонган поднимает свой уровень на десять, а то и больше метров. Все аллеи набережной, плакучие ивы и даже бетонные колонны с белыми фонарями оказываются под водой. Проходы через дамбу для автотранспорта закрываются тяжелыми железными шандорами.

В начале августа 1967 года тайфуны принесли так много воды, что в одну из ночей переполненный Тэдонган, прорвав защитные дамбы, устремился в город. Первые этажи домов были затоплены до потолков, прекратилась работа водопровода и канализации во всем городе, погасло электричество, к утру оказалась под водой Пхеньянская ТЭЦ. Создалась опасность эпидемий. Когда вода схлынула, остался слой скользкого ила толщиной до сорока сантиметров. Дождливые дни не давали возможности подсохнуть этой желто-бурой грязи. Никакой транспорт не мог передвигаться по городским улицам. Работы по расчистке Пхеньяна дли-

лись несколько дней и ночей. После этого трагического наводнения дамбы были укреплены и на них поставлен метровый парапет из бетонных плит. В угрожающей обстановке эти плиты подкрепляются со стороны города соломенными мешками с землей.

Разумная деятельность человека повсюду вступает в противоречие со слепыми, стихийными силами природы. Это противоречие не обошло стороной и новую Корею. Люди на берегах Тэдонгана стали жить по-новому, они все дальше уходят по пути перестройки своей жизни. Их перестают терзать старые правила, обычаи, традиции. А Тэдонган все держится за старое, бушует по прихоти погоды. Но река непременно и скоро покорится людям. Уже созрел план комплексного регулирования Тэдонгана. Плотины перегородят реку и ее притоки, моря-водохранилища примут в себя паводковые воды, отдавая их потом реке, режим которой будет постоянным круглый год.

...В субботние вечера на набережной Тэдонгана загораются все фонари. Тысячи людей приходят к реке и любуются небольшими судами, по контурам которых горят электрические лампочки. На одном таком судне играет оркестр. В эти часы Тэдонган особенно хорош.

Но я ни на минуту не забываю, что красота реки у столицы КНДР — это не столько счастливое подношение природы. Эту красоту во многом создали сами люди.

ГОРОД У МОРЯ

Горы теснят железную дорогу к морю. Она извивается по побережью гигантской змеей, устремляясь все дальше на север. У устья каждой большой речки горы отступают на запад. Тут ровные, как стол, дельты. На них разместились поселки и города. При впадении одной из рек в море, на ее заболоченном низовье стоит Хамхын.

Маленьким и незаметным простоял он сотни лет. Сегодня же Хамхын — важнейший участок жизни республики. Тот, кто бывал здесь лет двадцать пять назад, теперь не узнает город. Исчезли старые од-

нозтажные дома, дороги, рощи, озера и целые предместья. Когда сейчас говорят «Хамхын», то имеют в виду прежде всего виналоновый завод, потом машиностроительный завод, а потом — химкомбинат. Всех предприятий не перечисть, получился бы большой список.

Изменился уклад жизни. Подавляющую часть жителей составляют рабочие, бывшие пастухи с гор и землепашцы с приморских долин. В восемь раз возросла численность рабочих на предприятиях города за последние два десятилетия.

— Каких бы больших успехов мы ни добились, у нас всегда много новых задач,—говорил мне заместитель председателя городского Народного комитета О Хо Сон. — Потребуются годы для их полного разрешения. Пока не хватает жилья. Но самое главное уже сделано. Семьи, которые прежде могли есть один, а в лучшем случае два раза в день, сейчас имеют нормальное трехразовое питание. Они покупают часы и радиоприемники, швейные машины и холодильники. Надо ли комментировать эти факты?

Большая комната заводууправления предназначалась для работы. Мастер Ким Рян Бок сразу же приступил к делу. Он говорил, а я записывал, не переставая удивляться. Оказывается, виналоновый завод был построен всего за пятнадцать месяцев. Из известняка и антрацита он ежегодно выпускает двадцать тысяч тонн волокна, позволяющего выткать двести миллионов метров обычной ткани. Среди жителей республики нет ни одного, кто бы не пользовался изделиями из продукции завода: свитером или кофтой, платьем или платком, курткой или пальто, костюмом или спецовкой. Все — из виналлона или другого волокна, но почти всегда в смеси с виналоном.

— Мы не рисовали тигра с кошки, — говорил мастер. — Все прекрасно знали, какой здесь поднимется завод, какую важную продукцию он будет производить. Желание принять участие в создании завода было так велико, что старики убавляли годы, а молодые откладывали свадьбы до завершения работ... Мне посчастливилось быть в числе первых строителей, про-

рывавших глубокий канал, чтобы понизить грунтовые воды на месте нынешнего завода.

На этом наша беседа в заводууправлении не прервалась. Приведу из нее еще одно характерное суждение:

— Я стар и имею право уйти на отдых. Но разве это можно делать сейчас, когда расширяется родной завод? — В этих словах рабочего Ким Чже Соба мысли всех тружеников виналонового завода, созданного их руками.

В течение веков корейцы строили могучие стены вокруг городов, плотины на реках, каналы и дамбы. Машины и механизмы им заменяла совершенная организация труда больших масс людей. На строительстве виналонового завода традиционная хорошая организация была подкреплена в отличие от прошлого энтузиазмом строителей и дополнена современной техникой. Это породило подвиги, которые войдут в летопись эпохи. За сорок восемь дней, например, был сооружен корпус цеха площадью в восемнадцать тысяч квадратных метров. По обычным нормам на это требовалось не менее полугода. На заводе были трудности. Их порождало в первую очередь противоречие между сложностью задач и недостаточностью опыта. Много было неполадок, особенно в пусковой период. Нелегко было добиться, чтобы четыре тысячи человек стали работать как слаженный механизм. Но большой коллектив увлекала важность дела, его новизна. И трудности успешно преодолевались. Теперь рабочие радуются своим успехам, глядя на горы белого, воздушного волокна, этого конечного результата своего труда.

На Ренсонский завод едешь по той же дороге, что и на виналоновый. Машиностроительный гигант не так молод, как сосед, выпускающий волокно. Он годится ему в отцы. И это действительно так. Двенадцать тысяч различных машин, механизмов, емкостей, деталей произвели здесь для виналонового завода. Да и нынешняя его реконструкция немыслима без соседей-машиностроителей. Ренсонский завод производит машины и оборудование не только для химических предприятий. Без его продукции не обходится металлургическая и горнорудная промышленность, все виды транспорта. Я видел, как здесь обрабатывают цельные отливки кор-

пусов судовых двигателей мощностью в тысячу лошадиных сил и семидесятитонные стержни для прессов. Измерение огромных деталей производится на микроны. Немало машин на своем предприятии ренсонцы изготовили сами. Среди них — первый в республике карусельный станок восьмиметрового диаметра и пресс давлением шесть тысяч тонн.

— Такой пресс теперь не проблема, — замечает Ян Пхиль, заместитель директора завода. — Мы уже замахаемся на кое-что посложнее.

Оборудование на заводе вполне современное. Кроме своих, корейских, станков, станки из Советского Союза, Японии и других стран. Много делается для того, чтобы станки работали непрерывно и на полную мощность. Среди машиностроителей в почете рационализаторы. Один из них, Ли Ен Син, своими нововведениями сделал возможным сократить бригаду из сорока двух человек до двадцати шести.

Когда я знакомился с этой известной бригадой, то неожиданно для себя узнал, что в ней девять женщин. Они наравне с мужчинами участвуют в сборке сложнейших машин. Для Кореи — это большое дело. Прежде никому и в голову не пришло бы, что женщины могут заниматься таким сложным делом. Ли Ен Син отвечал на вопросы немногословно.

— Сколько себя помню, — говорил он, — всегда любил возиться с машинами. Куда же оставалось идти, как не к машинам? В общем, я дорогу выбрал правильную и вошел в ту дверь, в которую следовало.

Хамхынские заводы получают значительную часть сырья из горных районов западнее города. Но дороги, связывающие Хамхын с рудниками, не справлялись с растущим объемом перевозок. Поэтому решили соорудить новый участок ширококолейной железной дороги. Интересно было побывать на строительстве этой нужной для города магистрали.

Нам, однако, не повезло — целый день шел дождь. Но работы по прокладке дороги не прекращались ни на один час. Никто не ругал погоду больше, чем она заслуживала. К бригаде Кан Ен Уна пришлось километра три брести пешком вдоль насыпи, извивавшейся по косогору. Бригада эта передовая во всех отноше-

ниях — и потому, что она идет впереди строителя участка дороги, пробивая путь подобно тарану, и еще потому, что ее успехов не повторил никто во всем строительном управлении. Шестьдесят шесть человек — весь состав бригады — ударники.

Было слышно, как грохотали землеройные машины и мы шли по вязкой земле на их шум. Эти машины выполняют на стройке самую трудоемкую работу: расчищают трассу от кустов и деревьев, создают насыпи или прорезают строгими трапециевидными выемками желтую глину холмов. На сделанное ими полотно укладываются щебенка, шпалы, рельсы. Бульдозерами и скреперами-волокушами управляли парни, которые еще недавно удивлялись этим «железным волам». Сегодня же они знают о своих машинах, пожалуй, не меньше, чем конструкторы, создавшие их.

Бригадир Кан Ен Ун — инженер по образованию. Он коренной житель Хамхына. На строительстве дорог — с первого дня после окончания института. Ему приходилось работать и на горных хребтах, и в узких долинах, коченеть от холода и изнывать от влажной духоты июльских дней и ночей. Более десяти лет его самостоятельной работы были годами бесконечных трудностей, с которыми следовало разделяться немедленно, а не откладывать их в долгий ящик. В большинстве случаев Кан Ен Ун выходил победителем.

— Конечно, — говорил бригадир, — когда я начинал, было значительно труднее. Главной фигурой на строительстве был землекоп. Понадобились годы, чтобы исчез человек с лопатой. Теперь трактористы даже не высовывают голов из своих застекленных кабин. Впрочем, хочу предостеречь от ошибки. Наша работа не стала райским блаженством. Труд строителя нелегок.

Нас часто спрашивают о трудностях. Конечно, они есть. Есть потому, что мы не умеем еще все предусмотреть и запланировать. Но мы не походим на мулов, которые ночью нащупывают путь по горной тропе и в любую минуту могут полететь вверх тормашками. У нас теперь достаточно специалистов, хорошо подготовленных теоретически, обладающих знаниями и пониманием реальных задач. Мы в состоянии работать организованно, без так называемых трудных ситуаций, без хватания за любую сырую идею, за любой истертый шаблон.

Кан Ен Ун умолк, а его лицо как бы говорило: «Если вы ждете от меня рассказов о чем-то необыкновенном из нашей жизни, то ничего такого не будет. Хорошая работа — это работа по графику, а она очень обычна». Он чиркнул зажигалкой, раскурил от нее погасшую сигарету и снова заговорил с легкой улыбкой:

— Случается, что иногда слишком расхваливают того, кто усидел на вздыбившейся лошади. Но ведь у хороших наездников лошади вообще не встают на дыбы.

В Корее любят юмор. Всюду, где собирается несколько человек, раздаются шутки, смех. Молодые трактористы, бульдозеристы, механики подтверждали эту привычку корейцев.

— Да, нас много хвалят. Но похвалы и существуют для того, чтобы потом было легче ругать, — шутили они. Эти люди не безлика часть какой-то безликой машины, они хорошо знают смысл своего труда. — Ради чего мы работаем? Чтобы дорога связала горные разработки с Хамхыном и морским портом, заменила узкоколейку, которая стала тормозить и развитие рудника и хамхынских предприятий. В нашей бригаде не найдете ни одного, кто пришел бы сюда в поисках лакомого куска для себя...

Может быть, сейчас, когда вы, читатель, читаете эти строки, молодые строители идут где-то через горы и воды, их бульдозеры крушат дебри, а бригадир ведет счет времени на минуты. Такая у них профессия — прокладывать новые дороги.

В центре Хамхына — небольшая сопка. Она крутым обрывом упирается в реку. На сопку, засаженную деревьями и кустами, ведет гранитная лестница. Из пагоды на вершине виден горный хребет с облаками, лежащими на вершинах. Отсюда же просматривается весь город: заводы и жилые поселки, вытянувшиеся по берегу моря, чистые улицы и шеренги ребят, шагающих в школы.

Заводской, рабочий город. Тут осязаемо чувствуешь индустриальную силу, которая позволяет республике в короткие сроки осуществлять проекты смелые, небывалые.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДРАКОН

Столетия Сонним был ничем не примечательным, но довольно хорошо известным городом. Кто в Коре не слышал о соннимской каменной плите с иероглифами, походившими на клубки из головастиков? На почерневшем с годами граните когда-то монахи вырубили описание дракона, будто бы парившего над их обителью. «Его голова походила на голову верблюда, — писали они, — его рога напоминали оленьи рога, а глаза — заячьи глаза. Уши — как у быка, шея — как у змеи, чешуя — как у карпа, лапы — как

у тигра, когти — как у орла. Покрывавшая чешуя была числом восемьдесят один. Это произведение от девятки, умноженной на девятку, самое нечетное, самое почитаемое, самое счастливое число.

Его голос напоминал удары в огромный барабан и рев десяти тысяч быков. С обеих сторон его пасти свисали усы. Под подбородком была ослепительно белая жемчужина. Его дыхание образовывало облака, из которых то лил дождь, то полыхало пламя».

Кроме гранитной плиты с этим текстом, в Сонниме не было ничего примечательного. Ни древних городских стен, ни башен, ни пагод. Но и все немногое, что было там, самолеты интервентов садистски разбомбили во время войны. Город пришлось строить заново. Было уже не до плиты. К Сонниму шла новая, настоящая слава. Известность и неповторимость городу принес Хванхэский металлургический завод. Он разбросал на холмах в самом устье Тэдонгана свои семь доменных печей, цехи проката тонкого и толстого листа, блюминговый и проволочный цехи.

Если дракон был плодом фантазии монахов, его здесь никто и никогда не видел, то Хванхэский гигант как на ладони. Дракон был олицетворением нищеты, суеверий и отсталости маленького городка, рассказы о страшном чудовище кормили праздных монахов, пристрастившихся к опиуму. Хванхэский же завод стал символом прогресса и силы, его продукция известна во всей республике, с заводом связана фактически вся экономическая и культурная жизнь города.

Давнишнее желание побывать в Сонниме наконец свершилось. Рано утром мы выехали на автомашине из Пхеньяна и уже в девять часов завтракали в Сонниме такими деликатесами, как икра ската и бычьи мозги, томленные в чем-то вроде огуречного рассола.

Соннимский характер

С первого часа пребывания на заводе все пошло привычным ходом: осмотр цехов, беседы с руководителями и рядовыми рабочими. В их рассказах было много похожего. Страдания, поиски работы и пропитания в прошлом. А потом как великий рубеж — освобождение страны. По сути дела, с этого рубежа и начались

их настоящие биографии. Передо мною проходили разные люди, и говорили они о разном. Но от стариков я больше выслушивал рассказов о том, как здесь жили до освобождения.

Сонним считался городом, если позволено называть городом беспорядочное нагромождение развалившихся домов из глины, несколько храмов да купеческих усадеб с неуклюжими, размалеванными строениями. В нем действовала одна начальная школа, был медицинский пункт да частная японская аптека. В городе жили преимущественно те, кто работал или обслуживал работавших на Хванхэском заводе, построенном японской компанией незадолго до освобождения Кореи и походившем на большую мастерскую. На узких и кривых улицах валялись свиньи, кудахтали куры, играли на солнцепеке дети. Скученная жизнь в убогих лачугах, зимние холода, грубая и непитательная пища уносили людей в могилы в расцвете их жизни. Особенно тяжело было женщинам, на которых сваливались все беды и злоключения семей. К тридцати пяти годам они выглядели старухами с усталыми глазами и ссутулившимися спинами, опустошенные всем укладом жизни. Вместе с тем жены каждый год дарили детей своим мужьям.

Только страхнув вековое оцепенение, люди осознали свою силу. Уже в конце 1946 года на заводе была восстановлена мартеновская печь, разрушенная японскими милитаристами при бегстве из Кореи. Она выдавала первую плавку. О чем думали жители города, глядя на взвившийся над мартеном флаг? Конечно, о будущем. И это не столько потому, что людям повсюду меньше свойственно печалиться о прошлом, а устремлять свой взор в завтра. Освобождение поставило все с головы на ноги, породило много надежд. Республика бросала силы на самую важную битву за всю долгую историю страны. Корейцы прекрасно знали, что с помощью мартенов и домен, железных дорог и оросительных каналов, институтов и больниц мечты о счастье станут былью.

Хванхэсцы восстановили и построили три мартеновские печи, одну домну, коксовую батарею, мелко-сортный и тонколистовой прокатные станы. Каждый день они видели плоды своих усилий. К концу 1949 года производство чугуна и стали на заводе достигло

наивысшего уровня, который был до освобождения Кореи. Быстро перестраивался и по-новому планировался город. На обломках прошлого все явственнее вырисовывались контуры будущего.

Но агрессивная война стерла с лица земли и город Сонним, и Хванхэский завод. Соннимцы побывали в тяжелых испытаниях. Через три года на пепелище вернулась лишь часть из тех, кто раньше работал на заводе. Пришлось потуже закручивать гайки. Быстро пролетали дни, которые сменялись ночами, казавшимися такими короткими. Это было очень трудное время. Но коллектив не пал духом, не утратил инициативу.

— У нас не было ни опыта, ни знаний, — говорил рабочий О Чан Хо. — Мы не представляли, с чего надо было начинать. Все могло бы превратиться в бесплодные мечтания, если бы не братская помощь вашей страны. Советские специалисты придали нам силы, они принесли с собой богатый опыт восстановления и строительства, глубокие знания и техническую культуру.

Вообще-то О Чан Хо больше любил слушать, чем говорить сам, и считал это несомненным преимуществом. Если же он открывал рот, то говорил резко, бурно выражая свои симпатии и антипатии и не очень-то считаясь с собеседником. Но вдруг О Чан Хо заговорил торжественно, отделяя одно слово от другого, полагая, что мне так будет легче понять, не пропустив ничего мимо ушей.

— Партия поставила перед нами те задачи, о которых мы сами думали и которые готовы были выполнить: там, где стояла прежде устаревшая и маленькая доменная печь, следовало воздвигнуть современную и большую; там, где были грязные лачуги без полов и с соломенными крышами, следовало построить благоустроенные и чистые кирпичные дома.

О Чан Хо замолчал и с любопытством смотрел, как я меняю лист бумаги в пишущей машинке. А когда все было готово, он с той же независимостью продолжал:

— Конечно, были и те, кто считал, что вся наша затея обречена на провал. Они не помогали, мешали делу. Пришлось разворошить это гнездо шершней. Прогнанные колонизаторы читали нам нотации из-за

кордона. Сеульское радио распространяло свои лживые домыслы. Но мы делали свое дело, не обращая на них внимания. Со стройки не уходили ни днем ни ночью. Наши жены и дети приносили еду — отварной рис и нежирную похлебку или гаоляновую кашу с квашеными овощами.

Через месяц после перемирия уже выпускали огнеупоры, а через год вступила в строй мартеновская печь номер один, которая по своей мощности более чем в два раза превосходила старые печи. В 1956 году завод достиг довоенного уровня производства стали и проката. На заводе появлялись не только новые мартены и доменные печи. Двести гектаров под овощами, птицефабрика, дающая тринадцать миллионов яиц в год, сотни коров и свиней на фермах, городской рефрижератор, магазины, клубы, две больницы, индустриальный институт и другие учебные заведения — вот какие цехи мы не забывали вводить в строй. Всего не перечеть...

Индустриальный институт в Сонниме? Это звучало как сказка. Я навострил уши. О Чан Хо охотно отвечал на все вопросы. Оказывается, около семисот рабочих и работниц после трудового дня переступают пороги вуза и двух технических школ, где они обучаются без отрыва от своей производственной работы. Многие рабочие стали инженерами, и среди них Ли Чан Ржа, мать троих детей. Впрочем, в Сонниме нет доходящего до фанатизма стремления к высшему образованию. Люди находят для себя занятия в соответствии со своим призванием. Директор средней школы рассказывал, что из ста семидесяти выпускников около девяноста идут работать на завод или на предприятия сферы обслуживания населения.

Таким стал Сонним, где за десять с лишним лет после войны вырос современный город — важный центр металлургии республики. В ушах у меня звучала последняя фраза кадрового рабочего О Чан Хо: «Пусть интервенты поскорее убираются из Южной Кореи и вспоминают о нас как можно реже».

Передо мною простиралась широкая улица с четкими рядами четырех- и пятиэтажных домов. Над Тэдонганом тянулась полоса черного дыма, походившего на прошлую жизнь, о которой рассказывали соннимцы.

Мастер Ли Чон Гиль невысокого роста, спокойный и рассудительный человек. У него большая, похожая на купол голова и сильные руки. Лицо из тех, о которых говорят, что их мать-природа отливает тысячами и все в один и тот же кокиль. Звание Героя Труда Ли Чон Гилю присвоили за то, что он давал полуторную выработку против нормы и охотно обучал практикантов из технического училища. Теперь работа с молодыми стала главным занятием.

— Это нужное дело, — говорил мастер. — И для меня подходит. Делясь опытом, я делаю молодых взрослее, а сам будто бы молодею. Сидеть дома? Не могу. Все там валится из рук...

Несмотря на свои шестьдесят пять лет, Ли Чон Гиль не хотел походить на отслуживший паровоз, который стоит в тупике и покрывается ржавчиной. У меня с ним состоялся интересный разговор, который и приножу ниже почти дословно.

— Учить ремеслу? Это еще не все, — философствовал старый мастер, которого практиканты называли сучковатым дубом. — От учителя требуется и другое. Он должен воспитывать. Если все, кто учит, будут сами первыми в хороших делах, то кто посмеет быть нечестным? Если они будут нежадными, то кто станет воровать? На учеников нельзя смотреть как на сосуды, которые только наполняют. Ученик сможет сделать что-то стоящее, только оставаясь самим собою.

Когда-то в старой Корее считали, что профессия формирует характер человека. На этом основании, например, мясники и кожевники считались людьми с жестоким характером. Ну это, конечно, крайность. Однако профессия в какой-то мере влияет на человека. Это чувствовалось на Ли Чон Гиле. Труд наставника сделал его самоуверенным и склонным к поучениям.

— Для практикантов важен пример, — говорил он. — Пусть видят, что может сделать один человек с головой и парой рук. Я все делаю сам. Кто у меня человек номер два? Такой роскоши не могу себе позволить.

Целая минута протекла в молчании, пока Ли Чон Гиль снова заговорил.

— Знания можно приобрести и не поступая в школу, равно как и в школе можно ничему не научиться. Мои знания получены не за партой, а в долгие годы работы в цехе и в течение бессонных ночей за книгами. Начиная, я ведь тоже ничего не знал. Был робким. Много лет понадобилось, чтобы стать мастером.

— А теперь молодые смелее?

— Смелому дорога шире, — ответил мастер. — У них смелости больше, чем было у нас. Да озабоченности поменьше. Как вы думаете? Однако не всегда разберешься, что у них там в головах.

Старая коллизия. Большой опыт стариков и их угасающие силы порождают скептицизм в отношении молодых, у которых мало опыта да избыток энергии. Это столкновение не миновало и самобытную Корею.

Меня привлекли простота и мудрость заслуженного труженика. Его речь текла подобно воде ручья, шумно и естественно.

— Как вы занимаетесь с практикантами? — спросил я.

Этот вопрос заставил Ли Чон Гиля задуматься, потому что есть вещи, которые легче делать, чем рассказывать, как они делаются. Да и нелегко обобщить десятки операций, среди которых немногие повторяются. Было интересно узнать, с чего начнет старый мастер.

— Целиком плохих и целиком хороших людей очень мало, — заговорил он. — У каждого из практикантов есть то, что надо исправлять немедленно. Ведь они походят на гусей, которые собираются взлететь. Тут следует торопиться. Я без церемоний указываю на любую ошибку и, по правде говоря, даже досажую на себя, когда не могу ни к чему придаться. Но, конечно же, показываю, как надо делать правильно. Этого почти всегда бывает достаточно.

Ли Чон Гиль — противник лицемерной доброты и безвольной терпимости в отношении проступков практикантов.

— Им не все нравится. И это неизбежно. Но разве на таком основании можно допустить, чтобы поколебалось отношение к дисциплине? Не подумайте возражать, — быстро продолжал мой собеседник. — Трусливое увертывание никогда не приведет к добру. На вещи надо смотреть прямо. Этим парням не следует

представлять случай поворачивать в сторону. Они прежде всего должны научиться безукоснительному соблюдению порядка, без которого не может существовать не то что такой большой завод, как наш, но и убогая мастерская. И еще послушайте-ка меня. Молодежь здесь должна узнать, что отдых у рабочего человека короток, а труд долог. Надо работать постоянно, иначе засохнешь, как засыхает бездействующий мускул.

Мастер заговорил спокойней, почувствовав, что запальчивость в состоянии извратить его истинные мысли.

— Вообще-то говоря, принуждать приходится редко, лишь когда все другое уже непригодно. Принуждение — это признак нашей неспособности, это вина и наставников. Оно редко приводит к желаемому результату.

Мастер Ли мне очень запомнился. Может быть, он немного строптив и задирист, но это ничуть не умаляло его как хорошего воспитателя. Ребята любили мастера.

— Он нас всех любит больше, чем себя самого, — говорили они мне.

На примере Ли Чон Гиля я увидел, как благотворно влияние на молодежь старых рабочих. Они дают ей то, чего не могут дать книги, — практическое знание дела. А своим поведением учат ее достоинству рабочего человека. В Соннине старые рабочие много делают для формирования нового человека.

Всего несколько дней я пробыл в Соннине, городе, не выдуманного невежественными монахами, а настоящего железного дракона. (Блюминг Хванхэского завода, выплевывающий из своей пасти многотонные раскаленные блюмы, куда внушительней верблюжьей головы со свисающими усами!) Это были обычные дни в великом порыве, переживаемом республикой.

— Мы идем своим собственным путем. Наши успехи значительны, — говорили мне хванхэсцы. — Но мы должны добиваться еще большего. Ради этого стоит работать.

ОГОНЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

В десятках близких и дальних стран работают советские люди. Это геологи и топографы, проектировщики и строители, преподаватели и врачи. Они всегда там, где самые трудные и самые важные участки строительства.

Таковы советские люди и в Корейской Народно-Демократической Республике, трудящиеся которой видят в нашей стране пример сбывшихся надежд и осуществленных мечтаний.

С помощью наших специалистов в Корее созданы новейшие производства, са-

мые крупные и самые важные для жизни республики предприятия. Деятельность советских специалистов стала синонимом подвига потому, что они работают со страстью, порожденной важностью задач и пониманием интернационального значения своего труда. Дело корейских трудящихся они считают своим делом.

Я хочу рассказать о том, что видел, что происходило рядом со мной только на одном участке советско-корейского сотрудничества.

Ранней весной 1969 года в захолустном Пукчане загрохотали взрывы. Эхо прокатилось по сонным сопкам, пугая птиц, взлетающих с недовольными криками со своих гнезд. Как озабоченные муравьи, засновали грузовики. На Пукчан прибыли советские инженеры самых различных специальностей и профилей: от начальника проекта тепловой электростанции и представителей заводов-поставщиков из Барнаула, Харькова, Ленинграда до монтажников, сварщиков, эксплуатационников. Трудно было представить себе более компетентную в своем деле группу людей, состоящую из двухсот с лишним человек. Их знания и опыт накапливались во всемирно известных институтах и на строительстве гигантских электрических станций, поднявшихся на бескрайних просторах нашей страны.

Я встречался с этими людьми в Пхеньяне и на самой стройке тепловой электростанции. Все они образованные, знающие свое дело специалисты. Вот, например, руководитель монтажников Вадим Григорьевич Жаров. В облике этого невысокого сорокалетнего человека не найти ничего, что говорило бы о необычайной воле и вообще о незаурядности. Но он хорошо знал свое дело, умел принимать решения и отстаивать их стойко и неуклонно.

Биография Вадима Григорьевича не большая, не пестрая, а какая-то удивительно увесистая. В 1954 году, сразу же после окончания Ивановского энергетического института, он попал на строительство больших электрических станций востока нашей страны. Работал на Красноярской ТЭЦ, на Ново-Кузбасской и Томи-Усинской ГРЭС, на Новосибирской ТЭЦ-2. По любым мировым эталонам это были крупнейшие сооружения такого рода. Там было нужное оборудование и подготовленные кадры.

Конечно, Пукчан не походил на сибирские стройки.

Очень многого здесь не хватало или совсем не было. Но работы велись высокими темпами, в три смены. Республика бросала свои лучшие силы на эту стройку. От Вадима Жарова требовалось быстро принимать решения, в том числе и такие, в которых легко найти отступление от элементарных прописей его профессии. Так было во время монтажа генератора первого блока, когда предстояло перенести на свое место статор. Эту работу обычно проделывают два семидесятипяти-тонных крана. Но установлен был только один, детали другого задержались где-то в пути. У корейских руководителей стройки имелся отечественный двадцатипяти-тонный кран. Иначе говоря, на монтажной площадке можно было рассчитывать на общие грузоподъемные мощности в сто тонн. Статор же весил сто двадцать восемь.

Все задумывались над тем, что ответит главный монтажник на вопрос: «Будем ли?» И он ответил: «Будем!»

— Пренебрегать техническими нормами — не мужество, тем более не какое-то там геройство. Скорее это безответственность и разболтанность, — говорил Вадим Григорьевич. — Но на Пукчане был иной случай. Следовало обходиться теми кранами, которые имелись под руками, и не останавливать монтаж. Я пошел на риск со смешанным чувством долга и озабоченности.

— Но вас же никто не принуждал делать это?

— Конечно, нет. Более того, никто лучше меня не знал, что могло последовать при неудаче.

Осуждать человека, который пошел на риск не слепо и бездумно, а не один раз взвесив и подсчитав перегрузки? Не слишком ли это просто? Тем более что на Пукчане было и нечто другое. Руководитель монтажных работ, человек партийный и принципиальный, отлично понимал, как нуждается братская Корея в электроэнергии Пукчана. Задержать пуск блока на месяц? Это равнозначно тому, что остановились бы более двадцати энергопоездов или десятки мелких электростанций. Надо было действовать быстро, не проявляя вместе с тем и поспешности.

— Что я чувствовал в те несколько минут, когда статор был в воздухе? — задавал вопрос Вадим Григорьевич и тут же отвечал на него. — Хотелось одно-

го — скорее бы, скорее. А когда произошла задержка, то я даже заскрежетал зубами, сам не почувствовав этого.

Мы сидели в комнате, из окна которой были видны серо-желтые сопки. В словах Вадима Григорьевича чувствовалось сдержанное воодушевление и увлеченность человека, любящего свое дело. А меня все время не покидала мысль, что он принадлежит к тем счастливым людям, которые способны передавать окружающим свою убежденность.

Главный монтажник с теплотой говорил о своих корейских товарищах:

— Люди, с которыми мы здесь работаем, — рассказывал Вадим Григорьевич, — трудолюбивы, стремятся ко всему новому, прогрессивному.

Жаров познакомил меня с инженером Ли Ги Муном. Он тоже монтажник, бывал на стажировке в нашей стране. Конечно, он говорил много хорошего о своих пукчанских друзьях из Советского Союза. Прямодушие и искренность Ли Ги Муна глубоко меня взволновали. На все, что у нас стало явью, он смотрел как на веки, которые стоят на пути его страны. Тут хорошо знают, что социалистическое будущее Кореи озарено опытом Советского Союза.

Можно прожить рядом целые годы, можно долго работать вместе и не знать друг друга. Разве мы знаем, на что способны, до тех пор пока не наступит решительное испытание? Пукчан не давал легкого ритма жизни. Тут характер людей и сплоченность коллектива проверялись в тяжелые, полные драматизма дни, а в таких днях не было недостатка. Примеров на этот счет множество.

Я приведу только один из них.

В последний день июля 1969 года на станцию пришла беда. Она нагрянула неожиданно, как гром с ясного неба. Утром стало известно, что быстро поднимется уровень воды в Тэдонгане и его безымянном притоке, от которых станцию защищали могучие земляные валы. Но было ли в этом что-то необычное? Нет. В середине лета в Северной Корее дожди идут почти ежедневно, отчего постоянно меняется уровень воды в реках. Поэтому новость никого не насторожила. Работы на всех объектах шли своим чередом. Карты

смешала телеграмма с верховий Тэдонгана. Туда тайфун принес в своем шлейфе из черно-серых туч огромные массы воды и вылил ее на небольшом участке. Такое случается нечасто. Раз в десятилетия. Тут не было, однако, ничего фатального.

— Я не считаю, что всем на свете управляет случай, — говорил мне Сергей Иванович Черноков, начальник проекта станции. — У природы нет таких причуд, которые невозможно предвидеть и объяснить. Тайфун не принес бы с собою несчастья, если бы раньше велось наблюдение за режимом рек, если бы имелись многолетние данные водомерных постов, на основе чего и устанавливаются проектировщиками нужный размер защитной дамбы, — Сергей Иванович вертел в руках авторучку и не спешил говорить. — Видимо, у корейских инженеров, которые проектировали и строили защитные дамбы, не оказалось нужных гидрологических данных...

События на станции приняли непредвиденный оборот. С одиннадцати часов вода стала быстро подниматься. На стройке был объявлен аврал. Тысячи рабочих и жители поселка Пукчан набивали землей рогожные мешки и укладывали их, наращивая дамбу. Советские специалисты и их жены начали демонтировать и поднимать на вторые этажи электрическое оборудование. Главным полем боя стала химводоочистка. (К химводоочистке подходит от Тэдонгана канал размером с небольшую реку.) Девять десятых электроприборов и механизмов, которые можно было поднять, удалось перенести на верхние этажи. Хуже обстояло дело в турбокотельном цехе и на складах. Туда прекратилась подача тока. Одними физическими силами людей можно было сделать немного.

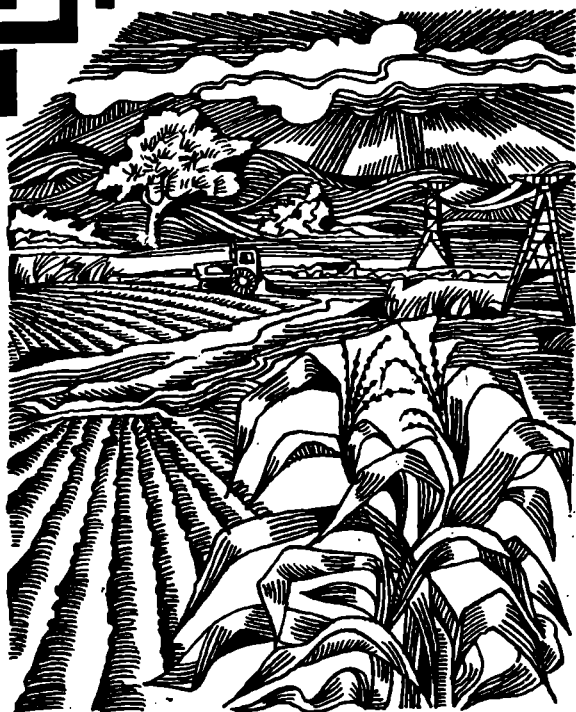
Между одиннадцатью и четырнадцатью часами уровень воды в Тэдонгане поднялся на 3600 миллиметров. Несмотря на исключительный героизм тысяч корейских строителей, которые нередко, обхватив руками друг друга, группами по десять-пятнадцать человек закрывали своими телами брешу, вода в двух местах сокрушила дамбу. Мутная, похожая на жидкую грязь, она устремилась в прорывы. Строительный мусор, доски и бревна, деревянные ящики и картонная упаковка, большие барабаны, на которые наматывался кабель, полые металлические выключатели — все было поднято

яростной стихией и с огромной скоростью уносилось в Тэдонган.

В тринадцать тридцать пять последовала команда, переданная многократно через репродукторы: «Всем! Всем! Всем! Немедленно покидайте строительную площадку!» От главного корпуса станции до близлежащей сопки не было и трехсот метров. Люди начали преодолевать этот путь, когда вода едва-едва закрывала им щиколотки или колени, а закончили его, когда она уже доходила до груди и неслась с такой силой, что устоять можно было, только держась руками друг за друга.

В эти драматические часы жены были вместе с мужьями, а когда вода ушла так же внезапно, как и появилась, и началась ревизия оборудования, они показали, на что способны. Ни днем ни ночью не прекращалась очистка и промывка приборов и механизмов. Детали просушивали в специально оборудованных камерах. Коллектив советских специалистов, оказавшийся в зажатом сопками Пукчане, изо дня в день делал свою нелегкую работу. Тут было видно, каким ярким пламенем горит священный огонь интернационализма, который есть в груди каждого советского человека, ответственного за судьбы социализма не только в своей стране. Никто из них не уклоняется от решения сложных проблем, каждодневно выдвигаемых жизнью на большой стройке.

На Пукчане, равно как и на других объектах, сооружаемых с помощью Советского Союза, дела идут отлично. Это в один голос подтверждают выдавшие виды люди с сибирскихстроек. В мое последнее посещение станции ток давали восемь блоков мощностью по сто тысяч киловатт каждый. Закончено строительство первой очереди. Однако к первому блоку отношение остается трогательным и ласковым. Отчего это? Едва ли кто ответит на такой вопрос. Видимо, монтажники уподобились матери, которая всегда сильнее любит того из детей, ради которого ей пришлось претерпеть больше мук и лишений. Но это всего лишь моя догадка.

ХВАНДОН ПОДАЕТ ПРИМЕР

Объезжая глубокие ущелья, едем в Сукчонский уезд. В узких долинах пашни, на склонах сопков сады. Через деревни проносимся по главной, часто единственной улице, разгоняя гудками клаксона кур и собак. Едем мимо полей и садов, где работают крестьяне, мимо деревень, где у заборов играют дети, ветер развеивает сохнущее белье и связки вялящейся рыбы.

Давно обжитые края. Проселочные дороги изъезжены до того, что они оказались ниже поверхности земли. Плиты на каменных мостах через каналы и речки

глубоко протерты и отполированы шарканьем босых крестьянских ног в течение многих столетий.

За рулем председатель уездного комитета по руководству сельскохозяйственными кооперативами товарищ Хан. О председателе Хане говорят с почтением: «Он умеет держать в руках горсть горячих каштанов». Иногда этот человек лихо проводит машину у самого края теснины. Тогда мне в голову приходят не очень-то вдохновляющие мысли: «Свалиться в пропасть? Стоило ли ради этого ехать в Корею?»

Сопки вразброд

В этом пейзаже все перепуталось. Небо и сопки, деревни, поля в узких долинах, над которыми стелется дымка тумана. Корейские сопки! Их слишком много. Природа нагромоздила эти морщины земли сплошными цепями, параллельными и очень схожими, местами же разбросала их беспорядочно. Большинство сопкок — голые. Только летом, и то ненадолго, они покрываются зеленью. Осенью же становятся желтовато-бурыми, и так до самой весны. Кое-где на сопках посажены массивы сосны. Она непохожа на нашу российскую, стройную, красивую. Корейская сосна низкорослая, с перекрученным стволом, нет у нее желания подниматься ввысь, чтобы, как говорил поэт, шуметь вершиною в эфире голубом.

Надо ли писать, что безлесые сопки — картина унылая? Их повторяющееся однообразие больше утомляет, чем радует. Впрочем, это вопрос не только эстетический или эмоциональный. Голые сопки — одна из причин разрушительных наводнений. По их склонам ливневые потоки мгновенно скатываются в реки, так как там, кроме редких кустов да жесткой травы, нет растительности, способной задержать воду, а потом долго питать ею родники. В безлесых горах и родники-то редкость.

О корейских реках зимою и весной мало кто вспоминает, так как они или пересыхают совсем, или мелеют до того, что их легко преодолеть вброд. Зато в середине лета, в период дождей, они взбухают, затопляют посевы и селения, становятся клокочущими потоками, которые заносят поля песком и перекатывают камни-валуны.

Над нами парили коричневые орлы, прилетавшие с недоступных Алмазных гор. Товарищ Хан говорил о них сердито, называя паразитами. Этот человек всю жизнь связан с сельским хозяйством. Он любил свое дело и часто повторял, что нет на свете занятия более важного, чем земледелие. Временами он осматривал окрестности, поворачиваясь ко мне своим широким затылком. По местным приметам, у обладателя такого необыкновенного затылка должно быть многочисленное потомство, и Хан являл собою хорошее подтверждение этому. От двух браков (первая жена погибла во время корейской войны) у него было девять сыновей.

Товарищ Хан производил впечатление человека огромной энергии, но не холодного, тем более не грозного. Впрочем, когда надо, он мог быть непреклонным и требовательным.

Мой спутник крутил баранку, одновременно отвечал на вопросы или негромко пел. Наконец мы добрались до его родного уезда. Долины раздавались вширь, горы становились пониже, а их склоны — положе. К вершинам длинными языками тянулись сады. Они уже не гнездились на террасах, подпертых светло-серыми каменными стенками. Отсюда было рукой подать до моря.

Испытание временем

Эту часть Кореи еще в древности называли областью изобилия пяти злаков и ста плодов. Но предки преувеличивали. Тут возделывают то, что и в других уездах республики: рис и кукурузу, гаолян и чумизу, соевые бобы и овощи. Только выращивают все это лучше, чем в других местах. Не менее одной трети всей площади уезда — под пашней. А для Северной Кореи это редкость. Восемьдесят процентов ее территории покрыты горами.

За многие столетия корейской истории крестьяне тысячи раз пахали и перепаживали свои поля. Расчищая землю, они переместили мириады камней. Их крохотные пашни нередко упирались одной своей стороной в почти отвесную гору, а другая была закреплена подпорной каменной стенкой. Здесь считают сказкой, не могут поверить тому, что есть раздолье бескрайних нив и жирные борозды распаханной земли, тянущиеся на целые километры.

От первоначального плодородия полей в Корее теперь не осталось и следа. Человек жадно, а подчас и расточительно брал и брал от земли, давая ей самой ничтожно мало. Пашни, которые по цвету походят на красновато-желтую глину, плодоносят только тогда, когда их удобряют. Не удобрить — не жди урожая. Забота об удобрениях не покидает корейского пахаря ни на один день в году.

В отличие от народов, живущих в глубинных районах Азии, у корейцев мало естественных условий для разведения скота. На полуострове почти нет лугов и пастбищ. Масло, молоко, сыр и творог — эта главная пища степных народов — почти неизвестны в Корее. Мясо тут всегда было редкостью. С незапамятных времен его заменяли рыба и другие продукты моря, да отчасти яйца.

Упорный труд, хорошая сноровка и навыки, силы, отданные без остатка земле, — вот что постоянно кормило крестьянина. Все, кроме риса, он сеет рядами, оставляя между ними неширокие междурядья, чтобы засадить их другой культурой. Пока одна созревает, другая только всходит. Случается, что две, а то и три культуры одновременно растут на одном и том же поле. Вокруг стебля кукурузы вьется фасоль, а междурядья заполнили плети тыквы. Только рис сто дней покрыт водою и растет в гордом одиночестве.

О сукчонцах в Корее всегда говорили больше, чем о жителях других мест. Говорили всякое — и доброе, и шутливое, и злое. После корейской войны крестьяне потешались над тем, будто бы сукчонцы предлагали пахать на танках, а сеять с самолетов. Ходили байки, что сукчонские женщины умеют нести на голове корчагу с водою и одновременно любоваться звездами на небе, что сукчонец может, угрожая палкой, подзвать к себе чужую собаку. И прочее в том же веселом тоне. При всем этом никогда не отрицается врожденная рассудительность и житейская сметка жителей уезда.

В сукчонских краях я не в первый раз. И всегда бросаются в глаза перемены. Вот и сейчас там, где недавно были огородные пугала, встали железные опоры высоковольтной линии электропередачи, а по склонам сопок, где был вырублен лес, пушатся новые посадки. Только при въезде в село Хвандон прежний

щит с огромными буквами, написанными красной краской: «Наши свершения более вечны, чем железо».

Невозможное становится возможным

Первый кооператор, с которым мы познакомились в Хвандоне, был агроном. Правда, не он, а она. Девушка недавно закончила институт. Она родилась в этом селе, и тут поныне живут ее родители.

— Что меня сейчас больше всего занимает? — повторила она вопрос. — Селекция. Достать хорошие семена кооперативам нелегко. Их хотят получить все. Поэтому мы сами взялись за выведение новых сортов и улучшение существующих. — Как бы извиняясь, агроном сказала, что они еще ничего стоящего не добились. — Я расскажу вам один случай, — говорила она. — Он даст представление о возможностях в области селекции. Два года назад в нашем уезде был обнаружен стебель соевых бобов примерно с тремястами стручков. На нем было более семисот семян. Это во много раз больше, чем бывает на обычном стебле. Природа явила такой феномен для того, чтобы показать, что подобная соя может расти в наших местах. Создать сорт — вот задача.

В области селекции в КНДР многое сделано. Государство считает селекционную работу весьма важной. Хвандонский кооператив уже ряд лет получает некоторое количество сортовых семян от государства, с провинциальной опытной станции, с которой поддерживает теснейшие связи. Нынешние большие урожаи риса и кукурузы невозможно было бы получить без новых, улучшенных сортов семян.

По инициативе агронома для энтузиастов-селекционеров организовали курсы.

— У наших крестьян большой опыт, — говорила она. — Но агрономические познания их были ограниченными. Они слишком мало знали о том, как бороться с болезнями растений, как применять минеральные удобрения, ядохимикаты.

Агротехнические курсы вызвали большой интерес. Решено было, что учиться станут все кооператоры.

— Ну и что же? Они посещают курсы добровольно? — спрашивал я.

— Да, — отвечали мне.

Я побывал на занятиях и убедился, что курсы стали для Хвандона делом почти революционным. Схемы и плакаты разъясняли, что может дать правильная обработка полей. На столе лежал маленький снопок риса с несметным числом зерен, крупных и крепких. Это было то, о чем крестьяне мечтают с детства. Такой рис дает тонн десять с одного гектара. Молодой агроном рассказывала и доказывала крестьянам, как невозможное может стать возможным.

— Конечно, вся эта работа нелегкая, — говорила мне агроном. — Но ведь мы не избегаем трудностей.

Реванш у судьбы

Занятия закончили раньше срока. Началась беседа. Мужчины спрашивали, благополучно ли было в пути, как мы себя чувствуем? Выяснилось, что, кроме занятий вечером на агротехнических курсах, все кооператоры еще получают порцию уроков по утрам, перед тем как начать работу. В эти часы изучается текущая политика. На мои вопросы крестьяне отвечали все сразу. Женщины тоже хотели сказать свое слово. В разговор вмешалась молодая крестьянка.

— Мы не сидим без дела, ожидая лучших времен, не считаем, что кто-то должен снабдить нас готовеньким. Все, что вы увидите в кооперативе, делалось и нашими, женскими, руками, — она выпалила это единым духом, словно сбрасывая с себя какую-то тяжесть.

В Хвандоне не заподозришь, что женщин держат в черном теле. Напротив, было много свидетельств тому, что рушились вековые кабальные отношения в семье, уничтожилось неравенство прав мужчины и женщины. На курсах крестьян и крестьянок было поровну. Но за этим стояла нелегкая борьба. Присутствие здесь крестьянок и их бурная активность говорили о благоприятном для женщины исходе схватки.

— Были и такие, — рассказывала мне одна крестьянка, — кто нашептывал моему мужу: «Почему в твоей семье хвост виляет собакой? Почему твоя жена взяла такую власть?» Муж сердился, он счи-

тал, что жена всегда не права. Но не сидеть же мне у котлов и возиться с детьми, когда соседки выступали на собраниях? Не считаться со мной? Нет, сейчас не старое время...

Ее перебила другая. Она не то чтобы жаловалась, но напоминала о нелегком труде женщин в корейской деревне:

— Мужчины ушли в работу по пояс, а мы потонули в ней с головой. Кроме трудодней, на нас еще лежат все дела по дому.

— Наделали они тут дел. Нечего сказать, — заговорил товарищ Хан, стремясь придать беседе более спокойный характер. — Все требовало своего времени, они же хотели немедленных результатов. Школа еще строилась, а им подавай и детский сад.

— Ну и как же вам удалось выпутаться?

— Как? Сами женщины строили детский сад.

— А что, разве мужья им не помогали?

— Мы призывали и мужей, — ответил товарищ Хан в наступившей тишине.

— Призывали, как призывают козлов с капустной грядки, — вставила под общий хохот молодая крестьянка. — Уж предоставьте нам самим судить, как вы призывали.

Дальше товарищ Хан не мог придерживаться строгого тона. Он продолжал смеяться:

— Все хорошо закончилось. Теперь ребят из Хвандонского кооперативного детсада повсюду узнают по толстым румяным щекам и ладной, чистой одежде.

Так небольшие, будничные дела меняли всю жизнь. В Хвандоне происходили глубокие перемены. Долгие годы корейка была безропотным существом, домашней рабыней, с которой никто не считался до тех пор, пока она не рожала сына. Только на закате короткой жизни, когда у корейской женщины появлялись внуки, она приобретала права в семье. Теперь корейки брали реванш у судьбы.

— За них мы не тревожимся, — вставил свое слово председатель правления кооператива, имея в виду хвандонских женщин. — Они не уступят мужчинам, а главное — никогда не допустят нарушения порядка. Однако и о мужчинах не скажешь ничего плохого.

При этих словах, сказанных в адрес мужчин, товарищ Хан схватил председателя за рукав и заговорил, видно, о чем-то очень знакомом кооператорам, так как все громко рассмеялись.

— А была пора, когда мужчины соревновались не на работе, а в том, кто больше съест рисовой каши. Ты, председатель, по утрам самолично трубил в рог, тщетно призывая кооператоров заняться делами, — сказал товарищ Хан и добавил: — Все это история. Каждый понимает неодолимую мощь нового, и никто не хочет возвращаться назад.

Разговор незаметно перешел на прошлое. Столетия земельный надел был несбыточной мечтой процентов шестидесяти крестьян. Народная власть начала с аграрной реформы. Почти миллион гектаров пахотных земель был распределен между семьями тысячами дворов. Землю получили не только те, кто ее не имел, но и те, у кого земли было мало. Крестьянин встал горою за народную власть. Деревенские парни, которые составляли основную массу солдат Народной армии, самоотверженно дрались с врагами в период агрессии интервентов в Корею.

— Занимали ли враги ваш уезд?

— Они тут были в конце 1950 года. Но им пришлось бежать без трофеев и контрибуций, — ответил товарищ Хан. — У нашей войны не было фронта. Интервенты могли занять территорию, но они не могли на ней удержаться, тем более жить.

Разговор о войне напомнил о пережитой трагедии.

— Наши жены не успели еще высушить глаза после войны, а мы уже взялись за кооперативы. Ведь дела не ждут так охотно, как могут ждать люди. Нельзя было сидеть в бездействии на голой земле, озираясь вокруг в надежде на чужую помощь. Надо было самим засучивать рукава и торопиться. Мы понимали, что беремся за нелегкое дело. Тревожил вопрос, полюбят ли крестьяне кооперативную землю, как они любили свою собственную? Станут ли «мои поля» «нашими полями»? Земля благосклонна к тому, кто больше всех ее любит.

Товарищу Хану пятьдесят лет. У него большой политический и жизненный опыт. Этот человек всегда отдавал себя делу более важному, чем личные интересы. Ему поручали небольшие, но неизменно трудные задачи. И он почти всегда их выполнял. «Я не из тех, кто считает, что у работы не бывает конца, а только одно сплошное начало», — сказал он мне в минуту откровенности.

Ничего не было странного в том, что такой человек не спешил делать выводы. Впрочем, Хан не чуждался обобщений, которые в его устах принимали форму афоризмов. Чувствовалось, что он в таких случаях говорит о себе или об очень близком и выстрадавшем.

Прежде всего — рис

Был чудесный солнечный день, какие бывают, должно быть, только в Корее в первые дни апреля. Крестьяне сняли полиэтиленовые покрывала с гряд-парников, на которых зеленела рисовая рассада. Гряды огорожены плотной стеною изгородей из камышовых циновок, защищающих от холодных северо-западных ветров.

Мы шли по узкой дамбе шириной сантиметров сорок, разделявшей поля с побуревшей прошлогодней стерней. Вокруг была паутина бесчисленных валиков и каналов, сотканная крестьянами. Моим спутникам все тут было знакомо. Сколько раз в летний вечер или ранним утром они проходили по таким дамбам, размазывая на лицах опившихся кровью комаров.

Естественно было удивляться той ловкости, с которой работали крестьяне, развозившие удобрения из компостных куч. На мой взгляд, крестьян на полях было больше, чем надо. Невольно вспомнился разговор в Комитете по сельскому хозяйству (бывшем министерстве сельского хозяйства) в Пхеньяне. Там доказывали вещи для меня довольно непривычные. В частности, говорили, что, когда надо снять максимальное количество продукции с одного гектара, работа машинами не всегда эффективней ручного труда. Если мало земли и в избытке опытные земледельцы, то к этим условиям должны быть при-

способлены и агротехника, и оснащение хозяйств машинами.

Мне терпеливо разъясняли, приводили примеры, среди которых запомнился пример с рисовой рассадой. В самом деле, это была почти классическая иллюстрация. Вот ее суть. Рис, подобно другим злакам, высевается машинами в распаханную почву во многих странах мира. Но есть места, где практикуется иной способ. Вместо высева зерен на поля высаживают рассадку, то есть загодя выращенные на утепленных грядках или в парниках и тщательнейшим образом отобранные растения. Почему отдают предпочтение такому трудоемкому занятию? Дело в том, что использование рассадки заметно — до двадцати процентов — повышает урожайность. У такого способа есть еще и то преимущество, что ростки риса высотой 20—25 сантиметров, высаженные прямо в грунт, опережают сорняки в своем развитии. Посадки рассадкой стали фактически единственным способом возделывания риса в республике.

Каждый год в начале мая на сотнях тысяч гектаров залитых водою полей люди высаживают руками стебельки риса. Они вязнут босыми ногами в размокшей и не всегда хорошо прогретой земле, целыми часами работают, не разгибая спин. Это изнурительный и, пожалуй, самый тяжелый труд, какой только знает корейская деревня, отнюдь не избалованная на этот счет.

Ничто не прерывало рисового поля, заполнившего сплошь долину. Лишь на возвышенностях и по склонам сопок высаживались другие культуры. На лучших землях — только рис. И так происходит из года в год. А где же чередование культур, где севообороты? Они дают земле отдых и повышают ее плодородие, обеспечивают правильное сочетание сельскохозяйственных отраслей, создают хорошие условия для маневрирования рабочей силой и машинами. Об этом я говорил моим спутникам, а они смотрели на меня, как смотрели бы на марсианина.

— Мы не можем, — решил объяснить товарищ Хан, — поступиться даже одним гектаром площадей под рисом в пользу других зерновых или технических культур. Рис — главный продукт питания населения. Он для нас, пожалуй, больше значит, чем

хлеб для вашего народа. Его ничем нельзя заменить, как мы, например, заменяем хлопок. Из всего производимого в стране волокна восемьдесят процентов приходится на синтетическое. Посевы хлопка могут быть сокращены. Но риса — ни в коем случае.

Не только я один, но и председатель правления кооператива, и агроном внимательно слушали товарища Хана.

— Чудес нигде не бывает, тем более их быть не может в сельском хозяйстве, — продолжал он. — Мы можем сохранить существующий урожай риса или немного увеличить его, едва-едва поспевая за естественным приростом населения. Коренные перемены в состоянии произвести только химические удобрения, хорошая агротехника, более урожайные сорта риса. Тонна высокоактивных химических удобрений на гектар — вот наша задача-минимум.

Курс на мелиорацию

— Природа дала нам немного, — говорил товарищ Хан. — Из того, что есть, надо извлекать побольше. Вы видели наши сопки и болота. От них ничего не добьешься без тяжелого труда и больших затрат капитала. Да и погода у нас неустойчива. Беда приходит не только от недостатка воды, но и от ее избытка. Мы подвергаемся ударам с двух сторон: со стороны засухи и от наводнений. В прошлом году, например, более ста дней не было дождя, а потом на уезд налетел тайфун. Он пронесся со свистом и воем, как поезд, вырвавшийся из тоннеля. Из черных ливневых туч, поднятых этим ураганным ветром, вылилось столько воды, что мы две недели не могли справиться с нею.

Тайфуны — большое бедствие для корейского сельского хозяйства. Они сопровождаются проливными дождями, которые целые часы идут сплошными, непрерывающимися струями. Яростные штормовые ветры выкатывают ошалевшие морские волны на равнины, вырывая с корнями деревья, уничтожая посевы и жилые дома. Наводнения происходят на самых плодородных землях республики. Здесь надо искать объяснение тому, почему орошение и осушение выдвинуты Трудовой партией Кореи как важнейшая задача технической революции.

Гидротехническое строительство ведется фактически всем народом — и сельскими жителями, и горожанами. Оно носит характер глубокого всеобщего движения. Его конечная цель — добиться независимости сельского хозяйства от капризов природы, то есть обуздать стихию рек, защитить приморские районы, превратить болота и пустыри в плодородные поля, обеспечить водой рис.

Мы подошли к магистральному каналу. Для того чтобы орошать из него самотеком деляны риса, вода в канале должна находиться выше уровня полей. Поэтому канал сделан в насыпи. Его две дамбы, по которым могли проезжать повозки, много лет назад были сложены из глины самими крестьянами. Они отлично служили, противостоя ливням и паводкам. Глина не поддавалась стихии, напротив, она становилась прочнее и прочнее, как бы каменая с годами. С нею происходило, должно быть, то же самое, что происходит с хорошим бетоном: он со временем становится крепче.

Ожерелье Хвандона

Направо от магистрального канала простиралась долина, умело разделенная на небольшие деляны, ограниченные земляными валиками. Пересеченный рельеф местности — большое неудобство для корейских рисоводов. Мне приходилось бывать в Таиланде, крупном производителе риса. Там на обширных равнинах, плоских, как поверхность озера, деляны риса достигают одного или нескольких гектаров, предоставляя хорошие возможности для механизации его обработки. В КНДР большие деляны — редкость, хотя и ведутся дорогостоящие работы по выравниванию полей. Только на небольших участках тут возможно добиться равномерного 15—20-сантиметрового водного покрова, нужного для выращивания риса.

Слева поливных земель не было. Начинался косо-гор, по которому раскинулись сады. Сады на равнинах здесь редкость. Под них крестьяне, как правило, отводят пологие холмы, террасированные склоны гор, каменистые побережья речек. Таков единственный путь расширения фруктовых посадок во всей республике. На самом же морском побережье разбивают грушевые сады и виноградники на песчаных днах.

Я очень сожалел, что приехал в Хвандон до начала цветения, когда холмы покрываются ослепительной белизной распутившихся яблонь, а негромкий хор пчел и птиц служит достойным аккомпанементом к этой редкостной картине. Цветущие сады хороши повсюду, а в Корее они дивны. В окрестностях Кэсона мне однажды пришлось побывать в персиковом саду с раскрывшимися цветами самых необычных расцветок — от белой до пурпурной. Ряды персиковых деревьев, которые цветут до того, как покрываются листьями, чередовались с рядами плакучих ив. Цветы на фоне светло-зеленых молодых листьев ивы — это была граница мыслимой красоты.

Среди яблонь работали женщины. Они рассказали, что в кооперативе около ста гектаров садов, что их мужья тоже садоводы и сейчас заняты на строительстве хранилища для яблок. Пожилая крестьянка, к которой молодые обращались с ласковым словом «омони» (мать), была готова отвечать на мои вопросы бесконечно. Правда, время от времени она спрашивала, не наскучила ли своими рассказами. Двое сыновей этой женщины служили в Народной армии. Половина Хвандона — ее родственники. Некоторых из них она называла ударниками высшего класса. Это не могло не заинтересовать, и я попросил рассказать подробнее.

— Да что тут рассказывать? У нас их много. Но первая среди всех — Кан Чон Ран. Ей сорок лет, трое детей, а лучшей работницы не сыщете. Сейчас она стала учетчицей. Надо иметь очень хорошую голову, чтобы правильно вести записи. Люди с такими талантами встречаются не на каждом шагу.

— Чон Ран, — продолжала омони, — была на совещании передовиков в Пхеньяне. Большим человеком стала. Поистине верно, что дорогие жемчужины выходят из простых раковин.

— Чон Ран, говорите, живет хорошо? — переспрашивал я.

— Конечно, сама работает, муж работает, а сын уже выучился на тракториста. Можно ли жить плохо?

«Можно ли жить плохо?» На этот вопрос никто здесь не даст утвердительного ответа. Жизнь корейских крестьян преобразилась. Новое поколение не знает о тяжелом прошлом, когда японские колонисты вытесняли корейцев с лучших, обжитых земель в гор-

ные теснины и малярийные болота. Омони говорила, что когда-то ее отец на вопрос о будущем отвечал так: «Будущее? А какое оно, это чертово будущее?» Она же хорошо знает, что завтрашний день будет более счастливым, чем сегодняшний. Разве не об этом говорят ухоженные поля и сады, строящиеся дома, тракторы и мощные насосы, поднимающие воду для орошения полей и садов?

Плодоводство в КНДР стало важной отраслью сельского хозяйства. Более двухсот тысяч гектаров занимают в республике фруктовые сады, сто тысяч гектаров — под посадками каштанов. А в северо-западной провинции Янган на полутора тысячах гектаров высажена голубика. В конце сентября там ежедневно собирают свыше пятидесяти тонн этой ягоды. Ныне только уезд Пукчон снимает больше фруктов, чем их выращивалось на территории всей Северной Кореи до освобождения.

Одоленный перевал

Жители Хвандона не стали дожидаться, когда к ним придут строители, а сами, на общественных началах, построили основной двухэтажный корпус больницы и четыре вспомогательных здания, соединенных крытыми галереями.

— Все тут сделано жителями Хвандона да нескольких деревень и хуторов, входящих в ри*, — говорил товарищ Хан. — Посмотришь, будто бы и ничего особенного. Да как бы не так! Разве можно сосчитать, сколько терпения и сил потребовала постройка!

В Хвандонской больнице восемь врачей с высшим образованием. Почти все они — молодежь, выпускники провинциального мединститута. (В КНДР в каждой из девяти провинций имеется медицинский институт, в Пхеньяне же — головной, а также Академия медицинских наук и несколько медицинских научных учреждений.) В уезде самыми распространенными болезнями были холера, малярия и туберкулез. Первая ликвидирована полностью, а со второй и третьей идет успешная борьба.

* Ри — административная единица в КНДР.

Главврача звали Ли Гым Юн. Она отметила два основных принципа, которым следует коллектив врачей. Это профилактика и активное привлечение общественности к деятельности больницы. В Хвандоне участковая система медобслуживания. Каждый участок строго совпадает с инминбаном, руководители которого связаны с врачом и повседневно помогают ему в работе. Кроме того, над новой больницей шефствует один из медицинских научно-исследовательских институтов столицы.

Больница построена на окраине села. На пути к ней лежал холм из желто-красной глины. Его срыли. На образовавшейся площадке хватило места для дороги к больнице и для клумб с цветами. Над клумбами щит из досок со словами: «Мы будем идти, не останавливаясь, до тех пор, пока окончательно не сотрем разницу между городом и деревней!» Лозунг отражал энтузиазм хвандонцев, которые одолели важный перевал, построив у себя хорошую больницу. Но пиршеств после победы не устраивали. Сразу же начали штурм других высот. Приступили к покрытию гравием дороги, по которой будут ходить автобусы, и подумывают о создании у себя водопровода.

Мнение патриархов

Крестьянин не знал, понимаю ли я по-корейски, и жестами зазывал в свой дом. У входа лежала черная зубастая свинья, которая даже не открыла глаза при нашем появлении. Хозяин знакомился по старым традициям корейской вежливости: пожмет руку, а сам отступит в сторону, пропуская гостя внутрь дома.

В семье были представлены три поколения. Прошрое — в лице старой бабушки, очень старой, чтобы что-то делать. Настоящее — в лице матери и ее мужа, хозяина дома. Будущее — в лице крохотного мальчика и его сестренки, которая носила братишку на спине.

Пришли старики соседи, и началось угощение местной водкой. Все утверждали, что она действует как хорошее лекарство. Может быть. Что же касается меня, то я чувствовал, что никакая бацилла, никакой вирус не перенесут этой штуки. А всякий, выдержавший лечение ею, может считаться бессмертным. На мои вопросы отвечали под общий хохот. «Да, мы жи-

вем дольше, чем горожане, потому что едим больше и спим крепче».

Самому старому крестьянину с редкой серебристой бородой было семьдесят два года. Однако он и все другие старики продолжают работать.

— Я не вчера родился, и у меня было время для раздумий, — говорил этот патриарх. — Так вот что хочу сказать. Если ты в силах что-то сделать, то делай.

Все в один голос говорили, что они никогда так хорошо не жили, как сейчас. Каждая семья получает по четыре-пять тонн разного зерна и значительные суммы денег. Однако Хвандон не какой-то счастливый оазис. Крестьянская жизнь улучшилась повсюду.

Все познается в сравнении. В прошлом корейскую деревню составляло нагромождение землянок. Маленькое окно, обтянутое бумагой, пропускало так мало света, что внутри всегда царил полумрак. Вместо настоящего счастья люди приобретали его эрзац — картинки о счастливой жизни. Бедняки вывешивали их на стенах своих лачуг. Особенно популярным было изображение телеги, нагруженной мешками с рисом и запряженной волом. Молва твердила, что каждый год одна из таких картинок оживала.

— Сейчас в наших домах краснощекие дети, в наших реках и озерах резвятся рыбы, а в небе парят птицы. Жизнь походит на сказку. Кажется, снова забил иссякший родник, — говорили старые хвандонцы.

Сельское хобби

Начались весенние полевые работы, и Хвандон походил на боевой лагерь. Люди ложились спать и вставали под удары в обрезах железнодорожного рельса. Утром этот грохот старались перекрычать петухи.

О петухах придется сказать несколько больше. Их в Хвандоне очень много. И не только потому, что упростилось разведение кур: собственный инкубатор кооператива предоставляет любому цыплят по сходной цене. Голосистые петухи — это увлечение, страсть местных жителей. «Бесчисленны достоинства петуха, — убеждали меня молодые крестьяне. — Петух будит людей к труду, разгоняет сон, сковывающий их по утрам. Он олицетворение постоянства — вся жизнь по-

ет одну и ту же песню. Петух храбр до безрассудства, вместе с тем он не жаден — найденный корм уступает более слабым».

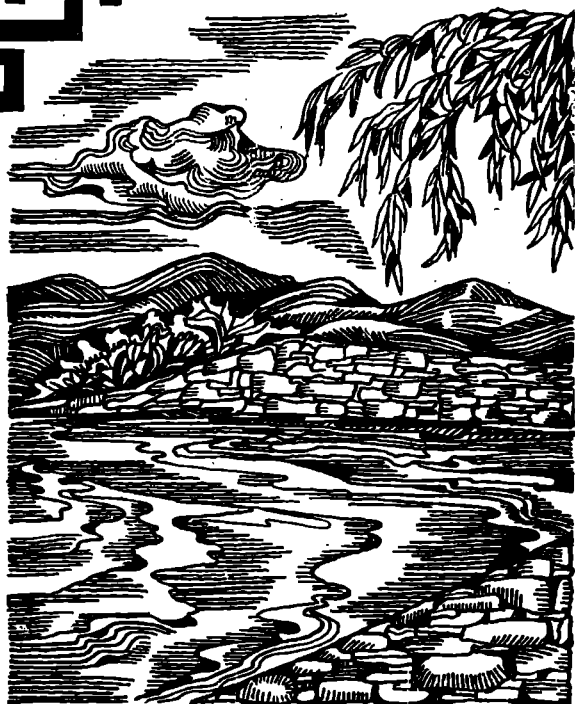
Из недостатков этой отчаянной птицы достоин внимания был только один — самоуверенность. Оказывается, петух полагает, что солнце поднимается по утрам для того, чтобы послушать его песни.

Материальный достаток, рост политического сознания, культуры изменили жизнь, увлечения крестьян и облик их жилья. В домах кооператоров картины, портреты и ни одного жалкого лубка с телегой, запряженной волом. Разве не свидетельством перемен была фраза, написанная большими буквами на стене дома: «Пусть процветают тракторы!»

Я решил остановить троих мужчин, первых, с которыми повстречаюсь на деревенской улице, и задать им один и тот же вопрос: чем они сейчас заняты? Первый, низкорослый парень с живыми глазами, ответил, что он тракторист, но сегодня работает не на тракторе, а на погрузке удобрений. Второй был намного старше первого. «Мы только что закончили кладку кирпичного забора вокруг школьного двора», — сказал он мне. Третий уже несколько месяцев работал в уездном центре на станции сельскохозяйственных машин и прибыл в Хвандон на три дня, повидать семейство.

В деревне не было бездельников. Их тут совершенно не терпят, справедливо полагая, что такие люди деморализуют других. Я спрашивал, есть ли в Хвандоне милиция? «Зачем она? — пожимали плечами крестьяне. — Народное ополчение прекрасно справляется с ее задачами, а почти все взрослое население — ополченцы».

В Хвандоне, как и в других селах республики, отвержены бастионы отсталости деревенской жизни. Понятно, что тут еще немало трудностей. Но их преодолевают решительно, без хвастовства и шумихи. Хвандонцы ценят достигнутое настоящее, но не идеализируют его, а с умом и энергией работают на пользу будущего.

ПРИГОВОР СОЛОНЧАКАМ

Это были бесплодные, гиблые земли, которые еще недавно покрывала морская вода. Земледельцу тут нечего было делать. С незапамятных времен здесь селились только рыбаки да гнездились птицы.

Такие земли почти сплошь тянутся по побережью Желтого моря от реки Амнокган (Ялуцзян) на границе с Китаем до самой военной демаркационной линии, разделяющей Корею на две части.

Еще в 1960 году начались дорогостоящие работы по освоению приморских солончаков — имевшихся пашен не хвата-

ло. А где взять новые, если уже давным-давно крестьяне распахали все, что можно было распахать в долинах и на склонах гор? И тогда решили создать ирригационные системы на трехстах тысячах еще не орошаемых полей и добиваться на них двух урожаев в год. Решено было за счет солончаков и мелководья Желтого моря увеличить посевные площади в республике процентов на десять.

Я побывал на одном из участков освоения новых земель в районе Гвончона. Между островами, разбросанными вдоль побережья, создавались могучие дамбы, которые должны были встать неприступными стенами между морем и будущими пашнями. Здесь почти все сто процентов работавших были добровольцами. Большинство среди них составляли крестьяне-кооператоры и студенты.

Я встретился там с прославленной бригадой студентов столичного политехнического института. Парни работали всю ночь и только перед нашим приходом были разбужены бригадиром Кан Ён Ха. На мои вопросы отвечали охотно.

— Конечно, устаем. Да не это главное. Мы тут как бы освежаемся, набираемся хороших впечатлений и чувствуем себя здоровей и уверенней.

— Значит, вы довольны работой?

— Само собой. И нормы перевыполняем с первого дня.

— А как прошла ночная смена?

— Плохо. Кое-что хотели усовершенствовать на каменоломне. Не получилось. Многого захотели для первого раза.

Мы бродили по дамбам, сложенным из камня, гальки, песка, ила. Камень с островов везли на плоскодонных баржах и узких длинных баркасах. Откос дамбы, обращенный к морю, внешне выглядел как нагромождение каменных глыб, а ее верхняя часть состояла из утрамбованной глины. На дамбе строилась дорога, по которой предстояло перевезти сотни кубометров гранита.

Работа кипела повсюду. За лопаты взялись все — и мужчины и женщины. Нелегко было выравнивать вязкую и уже укатанную самосвалами глину.

— Хотите разобраться, как идут у нас дела? Тогда поговорите со студентками, — посоветовал товарищ

Кан Ён Ха. — Многое узнаете, если порасспрашиваете их хорошенько.

Невысокая девушка, которую все звали по имени — Хон Рен, приветствовала нас, улыбаясь и немного наклоняя голову вперед. Правила местного этикета не поощряют разговорчивость девушки при встрече с незнакомым мужчиной. Она должна говорить мало, только самое необходимое. Но вечных правил, видимо, не бывает. Хон Рен рассказала, что в бригаде нет парней — одни девушки Саривонского пединститута, что бригаду назвали — «Красная косынка».

— Конечно, — говорила Хон Рен, — у каждой из нас нашлось бы десяток причин, чтобы сидеть дома. Но мы живем по строгому правилу: идти туда, где ты нужнее всего.

Из расспросов выяснилось, что Хон Рен — бригадир, что ее бригада всегда работает на трудных участках. Однажды случилось, что часть рабочих с их участка перевели на соседний. Студенткам пришлось работать круглые сутки.

Хон Рен была смешлива.

— Кто же не скучает по институту? Можно сказать, что он тащит нас за одну руку, а стройка — за другую. Но, как видите, они не разорвали никого пополам, — улыбаясь отвечала она.

Товарищ Кан Ён Ха почему-то считал, что людей из газеты интересуют только острые, драматические ситуации. В соответствии с этим он и избрал предмет разговора.

— Самыми трудными, — рассказывал Кан, — были шесть часов (время отлива), в течение которых следовало перекрыть пятидесятиметровый проран. Иначе при приливе вода устремилась бы внутрь лагуны и понадобилось много сил, чтобы откачать ее насосами. Издали эта задача может показаться пустячной, да не так было в действительности. Малый фронт работ не позволял сосредоточить на дамбе много людей и техники. Пришлось работать по особому и весьма напряженному графику. Получалось что-то вроде эстафеты. Двенадцать раз за шесть часов менялись смены. Когда начался прилив, то на его пути уже стояла непреодолимая преграда.

Со стройки мы отправились прямо в госхоз, организованный на новых землях в районе Унхари. Когда

прибыли сюда первые добровольцы, пожелтевшие камыши, в которых летом бродили волки и лисицы, лежали под снегом. Солончаковые поля, отделенные от моря приземистыми насыпями, промывали пресной водой из рек. Наконец сделали первые посадки рассады. Результат удручающий: хилые стебельки с редкими, легкими метелками. Растения не стоили того, чтобы тратить время на их уборку.

Об этом напряженном периоде мне рассказывали так:

— Настал момент, когда нам показалось, что все сделанное было негодным. Как тяжело приходиться к подобному горькому выводу!

Но панике не поддались. Снова и снова вели промывку. На неудачах учились. И вот первый хороший урожай — на площади в полторы тысячи гектаров собрали в среднем по двадцать семь центнеров риса с гектара. В следующем году — уже по сорок центнеров. Больших трудов стоило справиться с тростниками. Их корневища оплели землю на глубину до двух метров и все время давали ростки. Ничто, казалось, не убьет силу жизни этих растений, не остановит их острые и жесткие побеги. Сплошной щетиной они поднимались на полях и даже по дорогам, пробивая толщу щебеночного покрытия.

В поселке нет временных строений. Камень добывают на месте, известь тоже готовят сами. Только лесоматериалы, стекло, металл получают из центра. Было плохо с черепицей, но теперь ее дает завод, принадлежащий уездному комитету по руководству сельскохозяйственными кооперативами.

Одна из проблем — обеспечение рабочих и их семей мясом. Самым выгодным и быстрым оказалось разведение кур и водоплавающей птицы. Для их откорма используются кукуруза и просо, а также мелкая рыба и другие продукты моря.

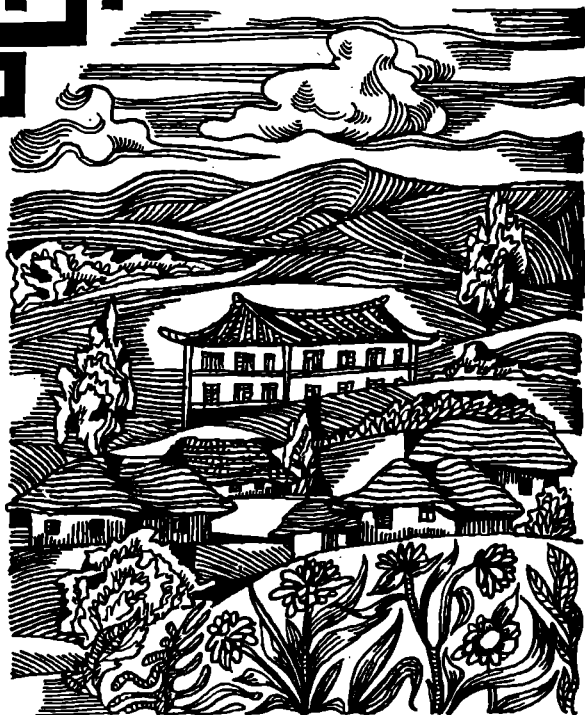
Кроме госхозов, на новых землях создаются и сельскохозяйственные кооперативы.

Тридцать километров пришлось ехать по прямой, как полет стрелы, дороге к одной такой деревне, окруженной хуторами. Ее, правда, еще нет на картах, хотя это старейшая деревня на недавно освоенных землях. Она без всяких достопримечательностей и пока без знаменитостей.

И деревня и хутора — все это один кооператив. Он типичный для КНДР и с точки зрения конкретных цифр выглядит так. 2100 людей, из которых трудоспособных немногим более восьмисот. Специалистов с высшим и со средним образованием — тридцать семь. Всей земли — 550 гектаров (под пашней — 402, под садами — 56, остальная под прудами, хозяйственными постройками, жилыми домами с приусадебными участками площадью 90—120 квадратных метров). Последнее время государству продается ежегодно по 1500 тонн риса, кукурузы и других зерновых, много рыбы, скоро начнут плодоносить сады, и тогда кооператив будет продавать и фрукты. Правда, разросшиеся сады уже не позволят использовать междурядия под посадки овощей, как это делается сейчас.

Каждый трудоспособный кооператор за год зарабатывает в среднем по 500 трудодней. На трудодень выдается по два с половиной килограмма зерна и по полтора вона деньгами (курс вона к рублю уже много лет остается неизменным: один вона равен семидесяти копейкам). В кооперативе есть школа-десятилетка, Дом культуры, вмещающий до пятисот человек. В нем за зиму справляется 15—18 свадеб. Все жилые дома построены и перестроены недавно, а домов более трехсот.

Упорным трудом преобразуется облик республики, изменяется сама ее географическая карта. Сельское хозяйство все меньше зависит от капризов природы. Работы на побережье Желтого моря находятся в центре внимания корейцев. За счет их ежегодно увеличиваются площади пашни на тысячи гектаров. Это само по себе исключительно важно. Вместе с тем на корейской целине проходят испытание характеры людей, их взаимоотношения, формируются такие драгоценные качества, как дружба, товарищество и взаимная помощь.

КРИТИЧЕСКАЯ СОВЕСТЬ СЕЛА

Актеры ходили босиком, их монологи были коротки. В Букчхонском уездном Доме культуры шла генеральная репетиция одноактной пьесы, которую написал агроном сельскохозяйственного кооператива.

На сцене не было реквизита. Только ветка яблони с бумажными бело-розовыми почками, выдвинутая из-за кулис, говорила, что действие происходит весной. В Корее с давних времен придавалось большое значение театральному искусству. Накопилось много традиций. Однако

от старой драмы с ее безжизненными и на века застывшими формами сохранилось немного. Исчезли символический грим и шаблонные жесты. Сейчас актеры не читают свои роли монотонно, как псалмы. Впрочем, ветка яблони свидетельствовала, что от условностей старого театра все же кое-что сохранилось.

Я был гостем в Доме культуры. На мои вопросы отвечали с величайшим терпением, спрашивал ли я режиссера или молодого парня, одетого и раскрашенного под американского солдата. (Его загримировали так, что он стал рыжим, как лисий хвост. Рассчитывали, что это произведет большое впечатление на зрителей, так как среди корейцев рыжих вообще не бывает.)

Долго ли готовили постановку? Режиссер ответил неопределенно:

— Пришлось потрудиться. Ведь за цветами ухаживают целый год, чтобы любоваться ими всего неделю.

Выяснилось, что на мой вопрос вообще нельзя ответить определенно. К пьесам относятся очень строго. Их не один раз переделывают и привередливо подбирают актеров. Это обычная история, и никого она не удивляла. В таких Домах культуры выступают самодеятельные коллективы*, в которых часто меняется состав. Считается естественным, когда дописываются целые сцены, вставляются новые монологи, уточняются реплики. Здесь убеждены, что в пьесе все должно жечь, как хороший перец.

— Критика никому не нравится, зато здорово помогает, — говорил режиссер, покусывая дужку очков. — Она как шерстяная рубашка в стужу — царапает, но греет. Впрочем, и прорабатывать надо с умом. Иногда способность критиковать так велика, что поток слов размывает все, не оставляя от пьесы ни одного запоминающегося монолога... А потом значительность темы. Из мелкого и надуманного не получится хороший спектакль. Только из большой устрицы извлекают стоящие жемчужины.

Через распахнутые окна была видна небольшая площадь, крыши домов, потонувших в фруктовых са-

* Художественная самодеятельность в КНДР — явление повсеместное. Хоры, оркестры, драматические труппы создаются как на предприятиях и в учреждениях, так и при инминбанах.

дах. Поблизости стоял аккуратный домик, построенный специально для учебы. Там читали какую-то книгу вслух, торжественно, как на литургии. А кругом тишина, такая необычная для горожанина. Тут нет уличных шумов, за которые платят расстроенными нервами и испорченным слухом.

Кто пишет такие пьесы? Не только профессиональные драматурги, но и сельская интеллигенция, служащие Домов культуры, а то и кооператоры. Уездных драматургов меньше волнует то, что происходит где-то далеко. Они припадают ухом к родной земле и слушают ее голоса. Поэтому темы местных пьес поднимают проблемы, за решение которых сами авторы борются со всей страстью. Часто такие пьесы посвящаются какому-нибудь знаменательному событию в жизни сельскохозяйственного кооператива, трудовым подвигам отдельных кооператоров, которые сами сидят в зале и ревниво следят за развитием действия.

Режиссер хорошо представлял то, чего добивался.

— Наши крестьяне, — говорил он, — извечно сравнивали себя с муравьями и пчелами, они представляли сплошную массу, в которой была обезличена индивидуальность. Поэтому важнейшая задача состояла в том, чтобы поднять самосознание крестьян, помочь каждому найти ключ к самому себе в коллективе, поверить в ту большую работу, которую он может сделать. Надо было искать и новые решения, и новые формы. Ведь сейчас прежняя напряженность отношений между личностью и обществом уже не составляет основы для драматического повествования. — Режиссер смотрел на меня пристально, но не строго, и продолжал: — Теперь меньше ошибок. А вначале мы делали их столько, сколько это вообще возможно. Мало было знать, что наше призвание состоит в том, чтобы способствовать формированию социалистического человека. Как к этому подступиться практически — вот в чем был вопрос.

Были ли сомнения? А как же. Можно сказать, что они обязательны в нашей деятельности. Только преодолевая сомнения, продвигаешься вперед. Впрочем, в одном, в важности работы на этой маленькой сцене, я ни на минуту не сомневаюсь. Скорее начну сомневаться в правильности таблицы умножения, чем в этом.

Затем разговор перешел на национальные особен-

ности. У каждого народа есть немало такого, что свойственно только ему, и нигде этого уже не встретишь. Выяснились любопытные детали.

— Привычки живучи, — говорил букхонский режиссер. — Мы, например, не увлекаемся любовными сценами. У нас было бы странным писать о любовном опьянении, впутываться в тонкости личных чувств или семейных ссор. Мужчина не должен поддаваться чарам любви так, чтобы это замечали другие.

— Вспышки чувств неприличны, их надо беспощадно сдерживать, иначе мы станем рабами своих инстинктов, — вставил агроном-драматург, на лице которого была написана одна фраза: «Я ничего не выдумываю, я все знаю».

Теперь вернемся к сцене. Из актеров, занятых на генеральной репетиции, выделялись двое. Медсестра в роли женщины, которая на рыбацкой лодке приплыла из Южной Кореи. Одежда на ней была черной от земли, кожа на лице тоже была черной — от солнца. Эта бедная женщина пережила большое горе, когда узнала, что ее муж связан с оккупантами. Рискую жизнью, она бежала на Север.

Драму простой крестьянки можно понять, только представив себе ту раскаленную добела ненависть к агрессорам, которая существует по всей Корее — и на Юге, и на Севере. Сейчас республика сохраняет не столько на своем теле, сколько в душе раны, нанесенные войной 1950—1953 годов. Эти раны никогда полностью не заживали. Они постоянно причиняют боль еще и потому, что в Южной Корее и поныне находятся войска Соединенных Штатов.

Игра непрофессиональной актрисы не была безупречной. Но в свою роль она вкладывала много искренности, изящества, живости. Медсестра чутко выслушивала замечания режиссера.

— А ведь правда, — изредка отвечала она ему. — Я об этом сразу и не подумала.

Вторым запомнившимся исполнителем был мужчина в роли офицера Народной армии. Руки у него были в таком положении, будто он все еще держался за ручки плуга. Однако это был хороший и, возможно, даже талантливый актер. Когда он говорил, то казалось, что это говорит сама душа Кореи, рассеченной на две части по самому сердцу.

— Чем больше я размышляю, тем больше мне нравится сцена. Уже давно подумываю, не уйти ли мне вообще в артисты, — доверял он мне свою мечту.

Спустя несколько дней я снова попал в уездный центр и побывал на спектакле, который ставился самодельной труппой другого кооператива. Меня интересовали зрители. Нравятся ли им такие пьесы?

В фойе были распахнуты окна. Парни говорили друг с другом, сплевывая скорлупу орехов в ладони, а девушки, румяные, с губами-вишнями, внимательно рассматривали парней. И те, и другие относились безучастно к маршам, которые неслись из репродукторов. Занавес еще не подняли. В битком набитом зале было шумно. Лучшие места занимали старики, сидевшие у полотнища, на котором было написано: «Пусть годы стариков будут многочисленны, как муравьи».

Ни в этом зале, нигде в другом месте я не видел старых людей, которым бы не уступили место более молодые. Корейская молодежь ценит мудрость тех, кто прожил больше ее, и обращается за советами ко много повидавшим на своем веку. Такое подчеркнутое уважение к возрасту, и особенно возрасту мужчины, происходит, должно быть, и оттого, что в Корее еще с феодальных времен много значения придается человеческому опыту, навыкам, знанию ремесла, которые приобретались только в долгой жизни. Старики и являются обладателями такого опыта, когда-то ценившегося выше знаний.

Впрочем, это только мои догадки.

Как только началось представление, зал сразу же умолк. Зрители сидели зачарованные. Все пятьдесят минут, пока не опустился занавес, они не отрывали глаз от сцены. У крестьян, как известно, мало времени для занятия искусствами. Поэтому они жадно наверстывали упущенное. Мужчины и женщины ловили каждое слово и переживали вместе с актерами. Иногда они подбадривали участников действия, выражая свое одобрение шутками или сурово поднимая кулаки.

В зале поток крестьянских чувств расплескивался широко и беспечно. Пьеса как бы говорила, что между зрителями и ее героями нет барьеров, она являла знакомые картины из жизни и труда сидевших в зале, слишком напоминала им реальную жизнь, чтобы быть только развлечением. Пьеса давала примеры граж-

данской добродетели и типов, которых деревня возьмет за образец. Зрители видели на сцене людей, какими они еще не стали, но хотят стать благодаря собственному выбору. Вместе с тем пьеса бичевала тех, кто отсиживался в стороне, а потом втискивался в первые ряды победного шествия.

Актеры, как и прежде, были босые. Режиссер заметил мое недоумение.

— Люблю тех, кто ходит босиком, показывая красоту своих ног, а не тех, кто носит обувь, в которую прячут искривленные пальцы, — сказал он.

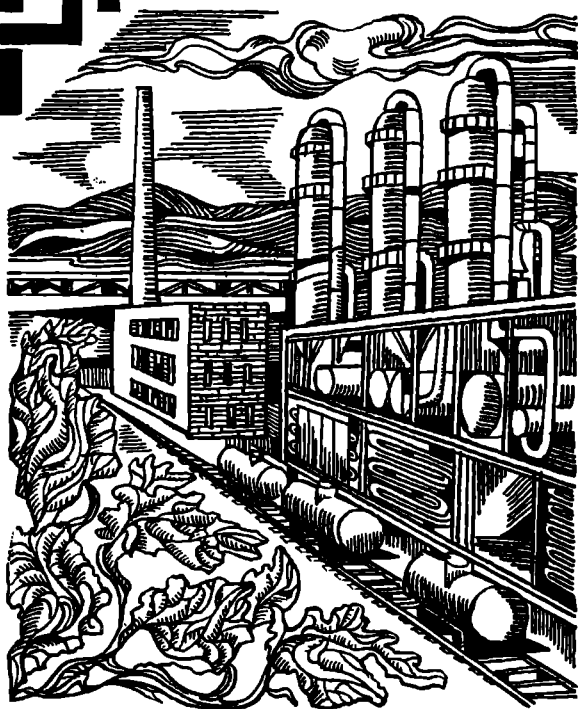
Что это? Причуда? Может быть, и так. Но причуды свойственны многим.

Я просмотрел ряд пьес, идущих в сельских Домах культуры. Можно соглашаться или не соглашаться с ними. В них есть самое дорогое достоинство — простые человеческие истории. Здесь также очень ценят то рвение и пыл, с которыми защищается положительная идея, те бешеные залпы, которыми обстреливается порок. Растянутых пьес почти не бывает, и это лучший знак уважения к зрителю.

Сельский театр, на сцене которого выступает иногда сто человек, иногда двое, сыграл большую роль сначала в ограничении влияния суеверий и предрассудков, а потом в полном искоренении их в корейской деревне. Были пьесы, которые стали подлинным манифестом в борьбе за новый быт. Художественная самостоятельность пробуждает в крестьянах чувство ответственности за дело социализма, бичует недостатки и разгильдяйство, то есть стала настоящей критической совестью села. Вместе с другими формами политико-просветительной работы она превратилась в действенное средство воспитательной деятельности Трудовой партии Кореи.

В корейскую деревню пришли новые идеи и новые скорости. Неумоимо, подобно тому как бьет горный ручей, появляется новое в тех местах, которые еще недавно называли сельской глухоманью. Культурная жизнь деревни — часть этого живого процесса.

И еще одна избитая мысль, не покидавшая меня при просмотре любительских пьес. Говорить что-то стоящее следует просто, умея найти острый и образный способ выражения. Вместе с тем как это трудно.

ДВА ИНТЕРВЬЮ НА ОДНУ ТЕМУ

Я был давно знаком с учителем Паком. После освобождения Кореи в 1945 году он оказался в числе тех энтузиастов, которые засучив рукава взялись за дело перестройки жизни своей страны. Вместе с политработниками Советской Армии Пак организовывал школы, подбирал в них учителей, разрабатывал программы, иначе говоря, налаживал дело народного образования. Тогда мы вдвоем объездили полдесяток уездов по ухабистым дорогам, походившим на стиральную доску. Пак был энергичен, умен, мыслил перспективно.

Минуло двадцать пять лет. Я снова приехал в Корею. Редколлегия «Известий» направила меня туда в командировку корреспондентом газеты. Характер работы заставлял бывать повсюду — на заводах, в учреждениях, в деревнях и в школах, присутствовать на народных торжествах и посещать частные квартиры. Невозможно перечислить все те перемены, которые произошли за четверть столетия. В каждом доме о них могли рассказывать часами.

Однажды я оказался на рогах жесткой дилеммы: или ждать в Пхеньяне встречи с министром просвещения, а встреча все откладывалась, или немедленно ехать в педагогический институт в Саривоне. Но случай представил мне третью возможность. В лифте Пхеньянского Дворца учащихся и пионеров меня познакомили с уважаемым профессором, автором трудов по педагогике и народному просвещению. Он согласился ответить на мои вопросы.

— То, с чего пришлось начинать, — сказал профессор, когда мы встретились в назначенный час, — вы знаете так же хорошо, как и я сам. — При этих словах глаза его стали веселыми. Только тут я понял то, что мой собеседник хорошо знал уже в лифте: мы старые знакомые. Учитель Пак стал профессором Пакком. В его личной судьбе как бы спроецировалась судьба его страны, могучим рывком поднявшейся к новым высотам. Пак скупко рассказывал о себе и о своей семье. Поэтому я опускаю первую часть нашего разговора и расскажу только о второй.

— Новая жизнь, — говорил профессор, — немислима без новых людей, которых мы воспитываем из молодежи. В Корейской Народно-Демократической Республике всеобщее народное образование является важнейшей государственной задачей. По удельному весу учащихся среди всего населения и по доле расходов из государственного бюджета на нужды просвещения наша страна, подобно другим социалистическим странам, занимает одно из первых мест в мире.

Пак походил на умного корейского крестьянина. Его обычное, ничем не примечательное лицо отражало все чувства, которые им владели. Выделялись то суровые, твердые складки в углах рта, то лучистые морщинки, струйками разбегавшиеся от глаз. Он говорил с подъемом, поглядывая на своего коллегу, тоже бывше-

го учителя, присутствовавшего при нашей беседе, но не проронившего ни одного слова. Только по выражению его лица можно было понять, что он разделяет мысли Пака.

— Трудности страшнее издали, чем вблизи. Кто из нас, рисуя себе предстоящие испытания, не мучается больше, чем встречаясь с ними лицом к лицу? — говорил мой старый знакомый. — После войны 1950—1953 годов большинство школьных зданий было разрушено. Мы жили без самого необходимого. Классными досками служили створки старых дверей, а столы и скамьи были редки, как золото и яшма. Учащиеся сидели на соломенных циновках прямо на полу. Могло показаться, что перед нами задача титаническая, разрешить которую возможно только за десятилетия. Но стоило взяться за это по-настоящему...

Наши труды увенчались успехом, — продолжал Пак, — все дети стали посещать школы. В 1956 году мы ввели обязательное четырехлетнее обучение, а в 1958 году — семилетнее. Это были те первые камни, которые дали мощный толчок лавине. Это был первый этап культурной революции, которую мы осуществляли одновременно с экономическим строительством. Развитие общеобразовательного, политического, научно-технического воспитания и обучения народа — вот главные задачи этого этапа.

Мой собеседник говорил быстро. Я едва успевал записывать, поражаясь энергии этого человека, напоминавшего пружину, которая была заведена до отказа.

— С апреля 1967 года мы пошли дальше, введя всеобщее обязательное девятилетнее техническое обучение. Что это такое? — задавал вопрос профессор и тут же сам отвечал на него: — Девять лет обучения были разделены на два периода: на четырехгодичную начальную школу и пятигодичную среднюю. Начальная школа одинакова для всех учащихся. После ее окончания школьники завершают свое среднее образование уже в пятилетней школе с техническим уклоном и идут работать в промышленность, сельское хозяйство, на стройки или поступают в повышенную техническую школу. Ребята и девушки, которые хотят поступить в вузы, после завершения пятилетней средней школы учатся еще один год в повышенной средней школе или идут на подготовительные курсы.

— При такой системе в вузы поступают только учащиеся, закончившие повышенную среднюю школу или курсы подготовки? — спрашивал я.

— Ничего подобного. Двери институтов распахнуты и для оканчивающих повышенные технические школы. Но ведь существуют еще и заочные отделения вузов. Каждому, кто учится в них, государство в течение пяти лет оплачивает двести дней, необходимых для зачетных сессий и лабораторных работ. Государство берет на себя все расходы, связанные с поездками заочников в вузы. Мы накопили немалый опыт заочного обучения и очень довольны этим опытом.

На меня большое впечатление производили приводимые профессором факты. Но они обычны для новой Кореи, где буквально весь народ сел за парты. Люди с большим желанием приобщаются к опыту и мудрости, ко всем свершениям прошлого и настоящего, к лучшим мыслям и чувствам, изложенным в книгах.

— Конечно, — говорил между тем Пак, — мы не отказываемся от хороших национальных традиций. И прежде в лучших корейских школах много внимания уделялось, например, нравственному воспитанию. Из обычных ребят должны вырасти мужественные и прямодушные люди. Важно, чтобы они сами знали свои силы и пропорционально им ставили перед собою задачи. Тогда каждый сделает максимум в своей жизни.

У нашей школы старая традиция — научить детей ценить книги, эти сокровищницы человеческих знаний. Нынешняя доступность книг не должна лишать уважения к ним. И еще одно. Корейская школа всегда существует для работы, и она беспощадна к лености, какой бы изворотливой последняя ни была. Хорошие лекарства нередко горьки на вкус. Хорошие советы не всегда приятны. Учителя не могут быть безразличны к праздности и нерадивости. Однако не подумайте, что наши школьники серьезны и важны, как буддийские монахи. Корейскую школу вы услышите раньше, чем увидите.

— Платят ли родители за обучение своих детей?

— Ни одного чона *. Более того, школьники получают бесплатно все, что необходимо для учебы.

— А как обстоит дело в вузах?

* Чон — мелкая монета КНДР. В одном воне — 100 чон.

— Точно так же, как и в школах. От учащихся требуется одно — прилежно учиться. Не надо считать, что случай, а не учеба может добавить ума кому-либо. Приобретение знаний — самая большая работа, которую проделывает человек в своей жизни. Тут не обходится и без разочарований. Но тот, кто учится ездить верхом, тот и привычен падать с лошади.

Профессор не уклонялся от ответов. Да, говорил он, мы испытывали недостаток преподавателей по техническому обучению, и особенно большие трудности были со снабжением станками и инструментами мастерских. Нет, утверждал мой собеседник, прием в вузы не сократился, а возрос при девятилетнем обучении. Да, он самым пристальным образом следил за положением дел в ходе перестройки и был удовлетворен ее результатами. Нет, отвечал он, мы не считали перестройку легким делом и не думали, что все будет просто.

А что дальше? Какие перспективы у сложившейся системы обучения? Эти вопросы Пак предвидел и ответил на них немедленно.

— С 1972 года, — говорил он, — мы начали, правда еще не повсеместно, добавлять один год к четырехлетнему периоду начальной школы. Для этого было разрешено детям на год раньше идти в школу. Посудите сами, ребята сейчас стали здоровее, они получают хорошее развитие дома и в детских садах. Их более ранний приход в школу не вызывает никаких осложнений. Мы фактически переходим к десятилетнему обучению. Это позволит несколько расширить программу и в то же время сделать ее менее напряженной.

Когда я спросил, довольны ли школьники и их родители проводимыми реформами, то Пак просто ответил:

— Кому же не хочется, чтобы дети были лучше образованы и скорее встали на собственные ноги? Вместе с тем перестройка учитывает не только интересы детей и родителей, но интересы государства.

— Как обстоит дело с трудоустройством выпускников вузов и техникумов? — таков был мой последний вопрос. Профессор привел любопытные цифры. До освобождения страны, оказывается, было всего около девятисот инженеров-корейцев. Сейчас же в республике число работников с высшим образованием превышает двести тысяч. И у всех у них есть работа.

По рекомендации профессора я посетил департамент образования Пхеньянского народного комитета. Это тот орган, который непосредственно руководит школами столицы.

Ан Ро Иль — заместитель начальника департамента — прекрасно понимал общественное значение своего труда и те новые измерения, которые приданы народному просвещению в республике. Он не стал ждать моих вопросов, а заговорил сам:

— Чтобы представить путь, пройденный нашей школой, напомним некоторые горькие факты. Деды да и, пожалуй, отцы нынешних школьников были искалечены нищетой и невежеством. Они не умели ни читать, ни писать. Корея, в которой впервые в мире были изобретены наборные литеры из металла, занимала одно из первых мест в мире по числу неграмотных пропорционально к количеству населения.

Ан Ро Иль хотел, чтобы я вдумался в эти фразы. Ведь нередко бывает, что мы пропускаем мимо ушей смысл того, что выражается очень обыденными, примелькавшими словами.

— У вас не должно быть иллюзий в отношении тех немногих, кто учился в старых школах, — говорил Ан. — Там дети заучивали наизусть шедевры древней литературы, ничего не понимая в их содержании. Зубрежка была основой обучения. Ни умения логически мыслить, ни каких-то практических познаний это не давало. Дело доходило до печальных анекдотов. В последние годы корейской монархии в Сеуле пятнадцати молодым претендентам на занятие государственных должностей, получившим перед этим первую ученую степень, была предложена арифметическая задача, с какой ныне справляются пятиклассники. И что же вы думаете? Никто ее не решил. Только четверо показали, что они стояли на пути, близком к правильному. Как видите, прошлое не оставило нам сокровищ. У нас был только опыт, накопленный учителями-революционерами. Наши революционные предшественники видели в невежестве и страхе народа опору любой деспотии и самоотверженно боролись против этого.

Мой собеседник говорил быстро. Казалось, что его слова идут прямо из сердца народа, вынужденного молчать целые века. Он повторял кое-что из того, что рассказывал профессор Пак. Здесь я приведу лишь те

его мысли, которыми Ан Ро Иль дополнял моего старшего знакомого.

— Больше двадцати лет мы живем в условиях неспокойного перемирия. Поэтому приходится уделять необходимое внимание военной подготовке учащихся, — говорил он. — Школьники и студенты должны знать автомат и гранату, уметь оказывать первую помощь раненому. Наши дети научились прятаться в норах, вырытых в берегах каналов и рек. Они погружаются в воду на рисовых полях и дышат через тростинку часами. У нас вы не встретите белоручек, которые не знают, что такое труд, которые боятся всего нового и больше всего боятся борьбы.

Потом мы с товарищем Аном побывали в Сынхынской средней школе. Более двухсот единиц машинного оборудования, станков и различных приспособлений вместили в себя мастерские этой школы. В них кипит работа с утра и до поздней ночи. Я спрашивал учеников пятого класса об их успехах. Оказалось, что они только что начали работать на токарных станках, но уже решили изготавливать некоторые простые детали для уездной станции сельскохозяйственных машин, с которой у школы давнишние связи.

— По каким профилям происходит политехническое обучение? — поинтересовался я.

— Основная цель, — отвечали сотрудники школы, — дать детям общие знания и практические навыки в области техники. Поэтому в городах и рабочих поселках программа совершенно одинаковая: обработка дерева и металла, изготовление несложных изделий из них, электротехнический минимум, знание мотора внутреннего сгорания. В деревне к этой программе добавляется еще изучение сельскохозяйственных машин, приобретение навыков пользования и управления ими.

У Сынхынской школы был свой земельный участок, засаженный преимущественно рисом и овощами. Земли немного, но, к счастью, она очень плодородна. Чтобы сократить время вызревания растений и снимать по два урожая зерновых, а овощей — до четырех урожаев в год, тут все высаживается рассадой. На школьном участке рекордные сборы ячменя и кукурузы, а корейская бесконечная капуста достигает шести килограммов. Весной и осенью старшеклассники уходят работать в пригородные кооперативы.

Новая школа предъявила новые требования к учителям. Знания теории оказалось недостаточным, надо было приобретать практические навыки, учиться пользоваться орудиями труда, управлять машинами.

— Прежде я шесть лет учил детей электротехнике, — говорил с мягкой, спокойной улыбкой преподаватель Цой Бан. — Но сам никогда не переключал рубильника. Только здесь я разобрался в практической стороне дела.

Были преподаватели, которые, подобно Цой Бану, учили ботанике, но в своей жизни не вырастили ни одного полезного растения.

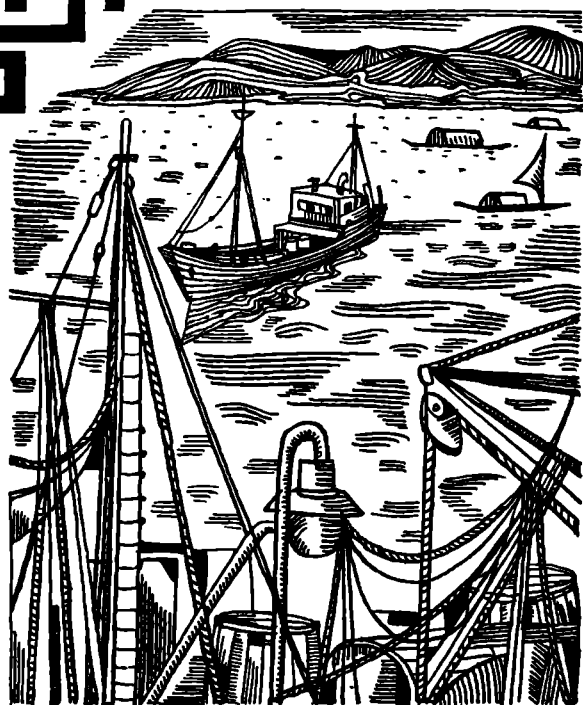
Пожалуй, самое интересное, что я узнал в Сынхынской школе, это существование своеобразной преддипломной практики выпускников школы. До того как получить аттестат зрелости, ребята должны не меньше трех месяцев проработать на промышленных предприятиях под руководством школы и заводских мастеров. Предприятие дает характеристику выпускнику, которая немало значит при получении аттестата.

— Хорошо это или плохо — покажет время, — говорил Ан Ро Иль.

Школьников в КНДР называют нераспустившимися бутонами. Это образное выражение хорошо передает главную суть роли, которую сыграют в будущем те, кто сегодня ходит с ранцами за спиной. Именно поэтому у школьников пробуждают чувство ответственности, воспитывают сознание всеобщности обязанностей в отношении построения коммунистического общества, развивают дух инициативы и активности.

На ниве народного образования в республике работают смелые и компетентные деятели, такие, как профессор Пак и Ан Ро Иль, эти замечательные, но не исключительные люди. Такими, как они, стали многие. Под руководством Трудовой партии Кореи они взялись за большое дело, преодолевая трудности и испытывая нехватку во многом. Но у них избыток воли и решимости, у них благородная цель просвещения народа.

Не потому ли у бронзовых всадников на крылатой лошади Чхонлима, которая взвилась над Пхеньяном, в руках не только орудия труда, но и книги?

ДЖОНКИ ИДУТ НА СЛОМ

Из любой точки КНДР можно быстро добраться до моря. Во всех случаях придется пройти или проехать не более двухсот километров. На западе море подступает зарослями камыша и илистыми отмелями, а на востоке — множеством бухт и заливов с чистой водой.

Море прочно вошло в жизнь и быт страны. Многие корейцы связали себя с этой беспокойной стихией, избрав профессией труд рыбаков.

Богаты моря, омывающие Корейский полуостров. Ихтиофауна состоит из 650 ви-

дов рыб и нерыбных объектов добычи. Из них 530 обитают в морях, остальные — в озерно-речных водоемах. Промысловое значение имеют 75 видов рыб, 20 видов моллюсков, 15 видов морской растительности, 10 видов морских животных. Об обилии рыб говорит такой факт. В приморском ресторане курортного города Вонсана всякий пожелавший может заказывать каждый день новый вид рыбы в течение всего лета.

Издавна корейских рыбаков знали как хороших моряков и мастеров на все руки. Они сами изготовляли джонки и на них выходили в море, а их дети и жены солили и вялили рыбу, вязали сети. Свое дело эти неутомимые труженики знали прекрасно. А как теперь? Ведь при жизни одного поколения все так решительно изменилось. Джонки идут на слом, они остались за флагом. Судоверфи строят траулеры и рефрижераторы, заводские машины вяжут сети, а рыбу обрабатывают в специальных цехах и на заводах. Но какими бы значительными ни были нынешние перемены, они не подорвали, а укрепили славу корейских моряков, ставших из беспомощных рабов моря его властелинами.

Над бухтой низко летают чайки. Они почти задевают своими крыльями антенны траулеров, выстроившихся в долгий ряд. На пристани рыбонасосы и ленточные конвейеры, уходящие в темные ниши разделочных цехов. Это Синпхо, одна из главных рыбных баз КНДР на берегу Японского моря. Ныне сюда за два дня поступает столько рыбы, сколько ее добывалось за целый год до освобождения страны.

В Синпхоском рыбном порту я встречал траулер «Тэтоксан», где капитаном известный моряк Ким Ен Кым. Вместе со мной его ждали жены рыбаков и шумная ватага детей. Траулер водоизмещением в одну тысячу тонн был первым крупным траулером, построенным в КНДР.

— Нам повезло, — сказал капитан сразу же после взаимных приветствий. — Таких мощных косяков уже давно не находили. Впрочем, с нынешней техникой возможности наших рыбаков небывало возросли. Теперь уже никто не говорит, что он беспомощный, как воробей, перелетающий море.

С первыми же косяками минтая — главной про-

мысловой рыбы Северной Кореи — начинается подлинная страда. Дело в том, что в такое время, не прекращая лова других рыб и добычи продуктов моря, необходимо обработать огромное количество минтая. А это нелегкое занятие... Минтая не только солят, вялят, коптят и замораживают, но из него вытапливают жир, готовятся соусы из икры и других внутренностей. Рыбьи головы и кости, равно как и панцири моллюсков, идут на производство муки, которая служит хорошей добавкой к корму для птицы и скота, а также используется как сырье в фармакологической промышленности.

Косяки рыб не поддаются управлению, их приход не занесешь в строгий график. Ход каждой промысловой рыбы ограничен несколькими неделями. На это короткое время нужны тысячи сезонных рабочих. А где их взять, если в городе все заняты? Попробуйте выкрутиться в таких условиях. Не сам лов, а обработка рыбы на берегу всегда была проблемой. Но выход нашли. Его предложили домохозяйки. Они взяли на себя всю ручную часть работы по разделке рыбы.

В разделочном цехе нас обступили женщины. Их возглавляла продавщица Ли Сун Ен.

— Еще совсем недавно, — рассказывала она, — домохозяйки занимались только детьми и кухней. Думали, что они не справятся с работой у конвейера на разделке рыбы, да и времени у них на это нет — заняты по дому. И все-таки женщины решили идти в порт, осваивать новую профессию, но куда девать детей? Мы решили, что они будут рядом с матерями.

Рыбный порт создал временные детские сады и ясли недалеко от рабочих мест матерей. На время путины город передвигался сюда, непосредственно к цехам.

У жен рыбаков не было недостатка в упорстве и энергии, чтобы довести дело до конца. Вместе со всей республикой они пережили тяжелое время, много пострадали в период корейской войны и в первые годы восстановления.

Через трое суток судно было готово к новому рейсу. Отдохнувшие рыбаки гостеприимно встретили меня как старого знакомого.

— Нелегкое это дело — рассказывать о себе, — начал капитан траулера Ким Ен Кым. — Отец и вся

наша семья были рыбаками. У меня четверо братьев и ни одной сестры. Соседи говорили, что такие ребята, как мы, найдут себе работу повсюду. Но море никого не отпустило, я и мои братья стали рыбаками.

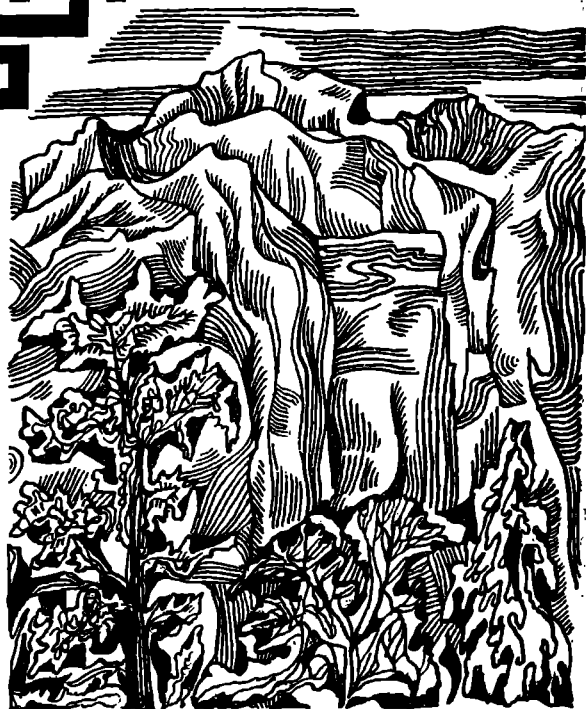
Траулер Кима был тщательно вымыт и недавно окрашен, но это не уничтожило запаха рыбы, судно пропахло ею, должно быть, навечно. Капитан и его подчиненные были в одинаковых комбинезонах из плотной, похожей на брезент ткани темно-синего цвета. Желтые нашивки на рукавах свидетельствовали о годах трудового стажа на морском лове.

«Тэтоксан» известен всем корейским рыбакам тем, что на нем зародилось движение быть в море триста дней в году.

— Конечно, это непростое дело, — отвечал мне капитан. — Но ведь мы — моряки. В непогоду тоже занимаемся ловом, а не прячемся в портах, как моллюски в раковинах.

У рыбаков КНДР уже есть плавучие базы мощностью в десять тысяч тонн, судна-рефрижераторы, траулеры водоизмещением до трех тысяч тонн. Люди быстро привыкают к новой технике. Всего несколько лет назад в Синпхо с помощью Советского Союза был смонтирован первый рыбонасос. Посмотреть на его работу пришел отец капитана. (Сейчас ему более шестидесяти. Но он подвижен и упруг в походке. Старик убеждал меня, что настоящие моряки никогда не стареют, а с годами становятся еще крепче.) Отец капитана сказал тогда всего одну фразу: «Может же быть такая машина!» Теперь без рыбонасосов никто и не мыслит работу рыбного порта.

Корейские рыбаки — люди с широкой душой, а чувство коллективизма у них подобно братству. Однажды машинисту «Тэтоксана» сделали операцию, и потребовалось переливание крови. В Синпхоской больнице ее имелось достаточно. Но, узнав об этом на траулере, решили дать свою. «Разве можно допустить, чтобы в жилах нашего товарища текла кровь не его товарищей по работе?» — говорили рыбаки. И они стояли на своем.

ИЗ ТАЙГИ — НА ГРЯДЫ

Женьшень... Испытываешь некоторую робость, начиная писать о нем, прославленном растении Восточной Азии. Как кокон шелкопряда опутан тонкими нитями, так и женьшень оплетен мифами и легендами, в которых смешались правда и вымысел. Долго, например, люди верили, что женьшень зарождается не из семян, а от удара молнии в хрустальную воду горного ручья. Ручей исчезает навсегда, уходит глубоко под землю, а на его месте вырастает это диво природы, наследующее силу небесного огня и чистоту источника.

Корень женьшень называли лечебным чудом, подлинной панацеей, величайшим счастьем для бедного человеческого рода. Его внешнее сходство с телом человека — нередкое и подчас поразительное — порождало мистический экстаз, корень наделяли такими достоинствами, которыми он не обладал. Дело доходило до утверждений, что этот таежный самородок одухотворен и обладает сверхъестественной силой. В его честь слагались панегирики, столетия ходила молва как о корне долголетия, как средстве, предотвращающем старение, поддерживающем бодрость и проясняющем мысли. Ему даже приписывали извечно дефицитную на земле способность превращать глупцов в гениев.

Небольшому корню люди служили самозабвенно, не считаясь с тяжелым трудом. Многие, подобно золотоискателям, шли в леса на поиски сокровища. Для этих детей тайги корень был большим божеством, чем сам бог.

Другие, менее эмоциональные и более пытливые, стремились культивировать женьшень на грядках, как обычное растение. Около тысячи лет назад попытки искусственного разведения женьшеня увенчались успехом в государстве Корё, в районе нынешней деревни Дондон, на территории Корейской Народно-Демократической Республики.

Это был пролом в стене святости, созданной вокруг женьшеня.

Большая доступность, впрочем, не поколебала уважения к корню. Однако туман божественности начал неторопливо рассеиваться. Люди перестали падать ниц или застывать в молитвенном раздумье перед хилым растением, выбрасывающим в год по одному листку, похожему на пятипалую кисть руки. Бог становился полубогом. Наука шаг за шагом освещала многие стороны механизма воздействия женьшеня на организм человека. Но писать об этом, а тем более оценивать исследования — не по моей части. Я хочу только пересказать то, что слышал в Корее о женьшене, поделиться впечатлениями от того, что видел, и познакомить читателя с некоторыми чертами характера людей, посвятивших себя поискам дикого женьшеневого корня или выращиванию плантационного.

Земля, покрытая на долгие месяцы снежной пеленою. Узкие долины, сопки и густые, непроходимые леса. Ветви деревьев трутся друг о друга и тянут нескончаемую, скрипучую песню. Дикая, нетронутая природа. Здесь, как и повсюду, она всегда прекрасна. Это провинции Янган и Северная Хамген — самый север Кореи, приподнятый на тысячу метров над уровнем моря. По природным условиям провинции считаются идеальным местом для произрастания дикого женьшеня. Говорят, что именно отсюда он распространился по лесным долинам Маньчжурии и по живописным падам Советского Приморья.

Долго я добирался до деревушки Чхойдяри, чтобы встретиться с профессиональными искателями дикого женьшеня, целебная сила которого извечно считалась в несколько раз больше, чем плантационного. Молодых искателей не оказалось дома — на зиму они уходят работать в леспромхоз. Старики же грелись на теплых нарах-ондоль, проводя время в воспоминаниях о прошлом. Тут и состоялись наши беседы.

Передо мною были не супермены, которые жили мечтами о сверхприроде, о каких-то эдемских куцах. Они обычные люди, и их вполне устраивала природа земная. Если сказать, что женьшенщики не могут жить без тайги, то это будет суцая правда. Для них самое ужасное — вырубленный лес, когда от могучих деревьев остаются только пни. Однако сказать лишь это — недостаточно для характеристики их натуры. Когда-то злые ветры нужды загнали молодых крестьян в сырую и загадочную гущу лесов. Там решительно испытывались важнейшие человеческие достоинства: дружба, верность, взаимная помощь. Некоторые не выдержали испытания. Тайга их пугала. Им не подходила таежная простота жизни и ограничение потребностей до самого минимума. «Пусть в этой влажной духоте прозябают мокрицы», — говорили они и возвращались пахать землю.

Те же, кто устоял, не капитулировал, расцвели под дыханием дремучих лесов. Им тоже было нелегко, но разве в городах и селах был уготован рай для этих прирожденных скитальцев? Лес манил их, как манит мираж, он был тем кислородом, который питал и освежал кровь, а найденный корень — отнюдь не каждодневное счастье! — обжигал сердца огненным хмелем,

рождал почти религиозный пыл. Это были поэты в душе, ценившие красоту леса и прогалины безлесья, на которых цветы дают окраску всему растительному покрову. О, эти лесные цветы Северной Кореи! Кто не залюбуется пушистыми головками ветреницы, золотым горицветом, темно-синей корейской медуницей, ярко-огненной махровой купальницей, багульником, покрывающим весной корейские сопки, бледно-сиреневым мунхва — самым нежным цветком страны, душистыми желтыми лилиями между больших и красивых листьев ревеня!

У искателей таежного женьшеня сложилась оригинальная философия, имеющая много общего с даосизмом, когда-то довольно распространенной религией в странах Восточной Азии. В них нашли благодатную почву даосские догмы о слиянии человека с природой, о противопоставлении прекрасного мира гор и лесов несправедливому обществу людей, о соединении с потоком незамутненной и безыскусственной жизни, которая мыслилась теоретиками-даосами лишь в отшельничестве на лоне природы. Вместе с тем они не идеалисты-мечтатели. Жизнь в тайге, полная лишений и опасностей, сделала их непреклонными, а то и жесткими. У искателей женьшеня развились хитрость лисицы, осторожность козули, глаза сокола, ловкость рыси.

Сколько этих людей погибало от голода, хотя их нетребовательность к еде не имеет себе равной, пропадало без вести, становилось добычей диких зверей. Но самыми страшными врагами были люди, жестокие охотники за искателями корня. Такая «охота» не таила для них опасности, так как женьшенщики не имели оружия для самообороны. (Издавна считалось, что человеку вооруженному и порочному найти корень немислимо. Он уходил от такого прищельца глубоко в землю, а лес начинал стонать и горы колебаться.) Один или два бандита, вооруженные берданками или короткоствольными винчестерами, шли за искателями до того времени, пока те не наполняли свои сумки драгоценным корнем. Затем нападали на лагерь женьшенщиков, расположившихся на ночлег, убивали их и овладевали сокровищем. В самой артели искателей бывали и свои кровавые стычки. Найти корни было легче, чем разделить их.

Страшные проклятия обрушивали искатели на головы тех, кто похищал драгоценный корень. Вот несколько фраз такой анафемы: «Да падет гнев властелина подземного царства на твою голову; да будет твоя жизнь короткой и тяжелой; да станут твои дети сиротами, а у сирот родятся новые сироты; да перехватят твое горло спазмы, и ты подавишься; да застрянет в твоей пасти рыба кость; да заразишься ты дурной болезнью, и доведет она тебя до смерти. Если ты, вор и семя вора, не вернешь мне мой корень, то я буду проклинать тебя вечно, и днем, и ночью».

— Наша профессия, — говорил, попыхивая медной трубочкой, Чо Дян Хи, — похожа на ежа в руках: бросить жалко и держать больно. А самый опасный враг для нашего брата — это хозяин тайги, свирепый ван, тигр.

Весьма своеобразно отношение женьшенщиков к тигру*. Они больше других боятся полосатого таежного красавца. «Только новорожденный теленок, — говорили женьшенщики, как бы оправдываясь, — не боится могучего вана потому, что теленок глуп».

Вместе с тем, считая тигра самым законченным воплощением зла на земле, они уверены, что коварный хищник имеет и свои положительные качества. Он, например, способен отличать правого от виновного и предпочитает растерзывать виновного. Тигр в их глазах охраняет таежный женьшень и не допускает, чтобы он достался человеку безнравственному.

На этих старых искателях корня легко было убедиться в огромной живучести предрассудков. Все мои собеседники были людьми никак не религиозными, а суеверными. Они верили в счастливые и несчастливые дни, в удачливые места, видели вещей смысл в собачьем лае, снам придавали чуть ли не решающее значение. Места, где есть женьшень, строжайше скрывались. Даже такому человеку, как я, которого нельзя было заподозрить в намерении изменить профессию на

* У искателей женьшеня тигр вошел в поговорки. Например, высшая степень удачи, граничащей с авантюрой, выражается фразой: дергать тигра за хвост и не быть им растерзанным. А серьезную оплошность оправдывают словами: даже у тигра бывает время, когда он дремлет. Придать тигру крылья — это страшное обвинение, означающее содействие преступнику, злодею.

женьшенщика, об этих местах говорили очень неопределенно: «Это не так далеко, да и не так близко отсюда».

Искатели не знали молитв в обычном смысле, а просто вели со всевышним деловые переговоры: «Если ты дашь мне то-то и то-то, то я сделаю для тебя то-то и то-то». Прямое заискивание перед божествами считалось хорошим средством добиться цели. Женьшенщики давали небу клятвы лишь для того, чтобы усыпить бдительность богов. Случалось, что они разбивали деревянных истуканов, не оправдывавших их надежд.

Я не только задавал вопросы и слушал ответы, но и сам рассказывал старикам о нашей стране и все больше чувствовал, как мало они о ней знают. Когда же мы рассуждали о международных проблемах, то седоголовый, как лунь, Тхяк глубокомысленно заметил: «Да, мировая черепаха, на которой стоит Земля, стала угрожающе переступать с лапы на лапу». Друзья Тхяка вежливо молчали, чтобы не мешать потоку его мудрости. Я тоже молчал, поняв, что после анализа, сделанного Тхяком, нам уже не прийти к взаимопониманию в оценке причин международных потрясений.

По внешности старых женьшенщиков трудно определить, в каком столетии они живут. Их одежды сшиты из домотканых материй, а среди утвари и обстановки жилища нет ничего, что было бы сделано не их собственными руками. Здесь бессмысленно искать прошлое. Оно было повсюду. Неужели женьшенщики так бедны? Конечно, нет. Бедная, простая жизнь была их уделом прежде. Не стала же эта простота традицией? А может, на Востоке больше подвержены обычаю долго сохранять привычки?

Старые искатели забыли о нищете. Безвозвратно ушло то время, когда в кармане каждого из них торчала рука ростовщика и выгребала оттуда медяки, которые там заводились. Этих скупщиков звали тиграми-людоедами. «Даже собака, если бы жадность не влекла ее к мясу, а к деньгам, не смогла бы собрать большего, чем накапливали эти грязные черепахи», — говорили искатели. Воспоминания о прошлом, когда «радости были малы, словно капельки росы, и все мы страдали от незаслуженных обид и от несбывшихся желаний», разожгли страсти, женьшенщики стали

махать руками и произносить такие выразительные монологи, которые вряд ли стоит здесь приводить.

Дикий женьшень собирают и сейчас. Его промысел не исчез, хотя быстро сокращается. Этому много причин. Прежде всего все меньше и меньше становится девственной тайги — число леспромхозов и других заготовителей леса растет быстрее, чем поднимаются посадки на вырубленных делянках. Одновременно редуют ряды старых профессионалов-искателей. Молодежь занимается сбором женьшеня как подсобным делом, она стремится приобрести профессию более современную, которая бы обеспечивала не сезонной, а постоянной работой. Может быть, мои старые собеседники были последними могиканами тайги?

Дикий женьшень изменил места своего извечного обитания. Он перекочевал на гряды больших плантаций. Только государство, осуществившее учет всех земель, на которых может выращиваться женьшень, смогло организовать такие хозяйства. При этом пришлось преодолеть много различных трудностей. Например, участки, на которых хоть один раз было высажено это капризное растение, могут стать пригодными для повторных посадок лишь через тридцать лет. Конечно, можно высаживать женьшень раз за разом на одном и том же месте, но тогда придется выкапывать не целебный корень, а что-то вроде сельдерея или петрушки.

Мне довелось бывать на самых лучших плантациях женьшеня в республике, которые находятся в районе города Кэсона. (Кэсонский женьшень пока что самый популярный из всех плантационных женьшеней на мировых рынках.) О людях, которые там трудятся, можно определенно утверждать, что они живут без богов и суеверий. Они не подражают таежным искателям, которые носят с собой вырезанную из орехового дерева руку, сложенную в кукиш, как средство от дурного глаза и всех напастей.

Впрочем, не все обычаи старых искателей исчезли бесследно. Люди, работающие на плантациях, сохранили кое-что из прежнего почтения к корню. Например, сбор женьшеня, а точнее, само извлечение корня из земли производится и сейчас со всей возможной торжественностью, при полной тишине, в присутствии администрации плантации и представителей обще-

ственных организаций. Вокруг участка, с которого снимается урожай, непременно выставляются разноцветные флаги на высоких бамбуковых древках. Сейчас, конечно, не происходит молений и благодарения небу, окружающим деревьям, льстивой похвалы травам, растущим вокруг, которые ошастливленный искатель называл яшмовыми, а цветы коралловыми.

В свободное время рабочие и работницы плантаций изучают агротехнику, делятся опытом. Каждый из них стремится вырастить необычные, выдающиеся растения. Может быть, именно благодаря этому на Кэсонских женьшеневых полях собираются лучшие в Корее семена. Эти люди слишком ценят свое время, чтобы уподобляться старым искателям и заполнять досуг рассказами о медведях, мечтающих стать людьми, о фантастическом животном кирине — предвестнике великих счастливых событий, о лисицах, принимающих облик красивых девушек или безобразных старух. Это новые люди в очень старом деле. У них достаточно умения, а еще больше профессионального чутья, и они великолепно пользуются этим даром природы. Их самозабвенный труд порожден верой в то, что он очень нужен республике.

Рабочие плантаций живут в поселке, где расположено управление всем госхозом. Два раза в день, утром и вечером, их подвозит автобус. Я разговаривал с Ан До Суном, а потом попросил разрешения посмотреть его жилье. Ан тут же познакомил меня со своей женой, и мы отправились на машине в поселок.

В доме, к которому вела дорожка, привлекательно усыпанная песком и выложенная дерном, жили две семьи. Каждая из них занимала по две комнаты, маленькую прихожую, площадью пять-шесть квадратных метров, и кухню такого же размера. И прихожая, и кухня были увешаны гирляндами красного перца, от которого щекотало в носу и в горле, уставлены керамическими чанами с квашеными овощами. В обеих комнатах полы-ондоль отапливались с кухни. Тазики и ковши для воды — пластмассовые, а посуда — из корейского фаянса.

Меня приняли гостеприимно, угощали чаем и водкой, настоящей на травах и тонких отростках женьшеневого корня. Хозяин спрашивал, что я думаю о выводе американских войск из Южной Кореи. Когда

это наконец произойдет? Кэсонские плантации расположены рядом с демилитаризованной зоной, и Ан До Сун говорил, что они первыми чувствуют перемены в отношениях между Севером и Югом — по затишью или по артиллерийским дуэлям через демилитаризованную зону. Его интересовала наша страна, но он никак не мог представить себе наши равнины и допытывался, как выглядит местность, на которой нет сопков?

Когда разговор зашел о вещах, то в него не могла не вмешаться жена Ана. Слова, как долго сдерживаемый поток, лавиной устремились наружу. Она сказала, что семья откладывает на швейную машину, а в прошлом году приобрели два стеганых одеяла, часы и много посуды.

— Мы смогли купить хорошие подарки для моих родителей, — закончила она, а на лице у нее было написано: «Ну, что вы скажете на это?»

Все три девочки супругов Ан учатся в школе. Сами они работают на плантациях. Раньше к женьшеню совсем не допускались женщины. Корень считали символом солнца, творческой мужской силы. Луна же была символом женщины. Свет луны — это отраженный свет солнца. Такая концепция ставила для женщин барьер на пути к женьшеню. Ныне посередине этого предрассудка появились трещины. С каждым днем они становятся глубже.

Переселенное растение сохраняет свой нрав и привычки также и в новых условиях. В диком виде оно росло среди широколистных лесов, избегало солнечного света, предпочитало пологие склоны, любило тепло и влагу, однако боялось мест, где скапливается вода. Все это тщательнейшим образом принимается в расчет при выращивании корня на плантациях.

Многие приемы и способы возделывания и приготовления женьшеня держатся корейцами в тайне. В нее не посвящают никого из посторонних. Ведь женьшень, который продается через специальные представительства в Гонконге и Сингапуре, а также через иностранные фирмы, приносит немало валюты республике. Я познакомился только с самыми общими данными о культивировании в Корее этого многолетнего травянистого растения из семейства аралиевых.

Коротко о новой жизни женьшеня можно сказать следующее. Собранные в конце сентября семена про-

ходят обработку для повышения всхожести. В начале апреля следующего года их высаживают в рассаднике. Через год, когда на стебле появляется первый листок, женьшень пересаживают на гряды. Все время он должен быть в тени. Для этого как над рассадником, так и над грядами сооружают шалашы высотой немногим более одного метра. Только раз в день между девятью и десятью часами утра снимают соломенные циновки шалашей, и тогда на растения падают солнечные лучи. Землю удобряют точно таким же перегноем, какой доступен растениям в условиях тайги. Обильное внесение иных удобрений приводит к тому, что корень становится большим, с ослабленной, однако, целительной силой.

Через три-четыре года на стебле появляются три листка и цветок, который, отцветая, дает семена. Через пять-шесть лет листьев уже пять. Женьшень пасынкуют, то есть уничтожают боковые побеги, если они появляются. Когда не бывает дождей, то растения поливают из леек через каждые два-три дня. На Кэсонских плантациях корень бывает зрелым через шесть лет, а в редких случаях — через семь лет. Дальнейшее его пребывание в грунте считается бесполезным. Любопытно отметить, что дикому корню для достижения зрелости нужно лет тридцать, а то и более. Плантационный женьшень цветет в мае — июне пурпурно-белым цветом. Вначале его плод светло-зеленый, а к сентябрю становится красным, как вишня. Тогда плод считается созревшим. В это время обычно и выкапывают корень.

— Как велик урожай женьшеневого корня? — спрашивал я корейских специалистов.

— На лучших Кэсонских плантациях сусамы — сырого женьшеня — собирают до пятисот килограммов с гектара, — отвечали мне.

Самые отборные корни отнюдь не крупные, а размером чуть побольше большого пальца мужской руки, без морщин и трещин. На них должны быть два ответвления вниз и два сверху, у самых плечиков корня. Эти лучшие экземпляры идут на изготовление хонсама — красного женьшеня. Его готовят опытные специалисты по традиционным корейским методам, сложившимся очень давно. Как утверждали пхеньянские ученые, помимо тех компонентов, которые содер-

жаты в обычном белом женьшене — пэксаме, красный имеет еще так называемую женьшеневую кислоту — специфическое вещество, повышающее тонус кишечника. Эффект действия красного женьшеня быстро скажется на организме человека и длится дольше.

Много способов употребления женьшеня. Но из всех самыми лучшими корейцы считают принятие порошка из толченого корня с теплой водой, с медом, с отварным рисом, с овощами и т. д. Очень популярны медовые пасты с измельченным в муку корнем. Для выздоравливающих после тяжелых недугов женьшень еще готовят по такому рецепту. Цельный корень разрезают на маленькие кусочки и тушат их в рисовом фарше, помещенном внутрь курицы или утки. Тушение производят на медленном огне в течение шести или восьми часов. Фарш и мясо птицы съедают вместе с кусочками распаренного женьшеня небольшими дозами в течение пяти-семи дней. Широко распространены различные настойки корня на крепком растворе сахара, спирту или на водке. Их принимают в холодное время года по три раза в день за полчаса до еды. Обычная норма от пяти до пятнадцати граммов настойки на стакан теплой воды. Прием продолжается шесть недель. Корейские врачи считают, что во всех случаях лечения женьшенем пациент должен находиться под наблюдением врача, соблюдать умеренную простую диету и много двигаться. Сейчас в Пхеньяне любители чая стали добавлять порошкообразный женьшень в чай, а женщины — пользоваться женьшеневым кремом и другими косметическими средствами с содержанием порошкообразного женьшеня.

У меня состоялись беседы с вице-президентом Академии медицинских наук КНДР Хан Хен Генем и заведующим отделом управления фармацевтической промышленности Хан Кен Током. Они рассказали о больших научных исследованиях, которые ведутся в республике. Дело в том, что до сих пор не определен состав женьшеня в той мере, чтобы дать полную и точную картину его действия. Однако выяснить компоненты корня — это была не единственная задача, с которой встретились ученые. Целебность корня — бесспорный факт, проверенный практикой. Опыт множества людей в течение столетий доказал, что женьшень превосходит другие лекарственные средства в фармакопее

восточной медицины. Женьшень как великолепное лекарство знали не только в Корее, но и в Древнем Китае, Японии и других странах Азии. Поэтому надо было дать полный, всеохватывающий ответ на вопрос о специфических свойствах корейского женьшеня и его действии на организм. Над этими задачами продолжает работать группа корейских ученых.

Не будучи компетентным оценивать высказанные корейскими учеными суждения о целительной силе женьшеня, я ниже привожу дословно важнейшие места из записей бесед с ними.

В составе корня фосфор занимает 53 процента от общего количества минеральных веществ, сера — 17 процентов, далее идут калий, кальций, магний, натрий, железо, алюминий, кремний, барий, марганец, титан, ванадий. Из химических соединений в нем находят различные глюкозиды, органические кислоты и аминокислоты, эфирные масла, витамины.

Женьшень оказывает регулирующее влияние на обмен нуклеиновой кислоты и белковый обмен, способствует обновлению тканевых компонентов, улучшает ассимиляцию питательных веществ, понижает содержание сахара в крови. Он предотвращает избыточное отложение жира в печени, оказывает хорошее влияние на функцию надпочечной коры, регулирующей минеральный обмен. Он усиливает сокращение сердечных мышц и облегчает пульсацию сердца. Эффективен при лечении артериосклероза, восстанавливает нормальное кровяное давление, активизирует кроветворную функцию. В зависимости от применяемой дозы женьшень может возбуждать или успокаивать кору головного мозга. Он оживляет интеллектуальную деятельность и восстанавливает бодрость при умственном переутомлении.

Научные исследования свойств и лечебного действия женьшеня продолжаются в Корее. Выяснено, например, что все компоненты, которые вложила природа в свое прихотливое дитя, прекрасно усваиваются человеческим организмом, что их воздействие эффективно только в том комплексе, в котором они естественно сложились в корне женьшеня, этом бесспорном элементе растительного мира.

г. В!

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	:	3
Ритмы Пхеньяна		5
Прекрасный Тэдонган		33
Город у моря	:	40
Железный дракон		46
Огонь интернационализма		54
Хвандон подает пример		60
Приговор солончакам		77
Критическая совесть села		82
Два интервью на одну тему		88
Джонки: идут на слом		96
Из тайги — на гряды		100

Иван Гаврилович Лобода
ИВЫ НАД ТЭДОНГАНОМ

Редактор **Т. Костина**
Художник **Г. Пондопуло**
Художественный редактор **Н. Коробейников**
Технический редактор **И. Соленов**
Корректоры **В. Назарова, Э. Харитонова**

Сдано в набор 4/XI 1974 г. Подписано к печати 28/II 1975 г.
A11507. Формат 84×108^{1/32}. Вумага № 1. Печ. л. 3,5 (усл. 5,88).
Уч.-изд. л. 5,9. Тираж 50 000 экз. Цена 22 коп. Т. П. 1974 г.,
№ 119. Заказ 2081.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес
издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцшев-
ская, 21.